ИНСТИТУТ ЛЕНИНИЗМА
БИБЛИОТЕКА
ЦАТО
М323

МАРТОВЪ РѢЧИ о ВНУТР. ВРАГ.

L. Martoff. — Les ennemis de la patrie.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛЬДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ РАБОЧАЯ ПАРТІЯ.

Пролетаріи всѣхъ странъ соединяйтесь!

ЦА70
М323

Л. Мартовъ.

X

ПРОСТЫЯ РѢЧИ
о внутреннихъ врагахъ.

Изданіе „Искры".

Цѣна 30 сант.

ЖЕНЕВА
Типографія Партіи. Rue de la Coulouvrenière, 27. Genève.
1905.

6 экз.

ЦА70
М323.

Библиотека
Института Ленина
при Ц.К. Р.К.П. (б.)
009
26
Ц.5263у

2010 г.
У
82

Простыя рѣчи о внутреннихъ врагахъ.

Рабочіе, мѣщане и крестьяне! Каждый день вы слышите отъ полиціи и отъ поповъ, читаете въ дешевыхъ газетахъ, что есть какіе-то измѣнники родинѣ, по винѣ которыхъ постигли Россію разныя бѣдствія. Говорятъ вамъ, что эти измѣнники—„жиды, поляки, армяне, студенты“ и тѣ рабочіе, которые зовутъ своихъ товарищей устраивать стачки и добиваться борьбой лучшихъ порядковъ.

Страхъ охватилъ ваши сердца, и умъ вашъ гнететъ тревожная мысль объ этихъ измѣнникахъ, объ этихъ Іудахъ, продавшихъ за серебренники счастье своей родины, то есть всего несчастнаго, голоднаго, изстрадавшагося, всѣми обираемаго народа. И многіе изъ васъ хотѣли бы отыскать этихъ измѣнниковъ, расправиться съ ними, освободить отъ нихъ родную землю.

Такъ выслушайте же наше слово объ измѣнникахъ Россіи, рабочіе и крестьяне и всѣ люди „черной кости“!

Мы скажемъ вамъ объ измѣнникахъ родинѣ, мы повѣдаемъ вамъ о нихъ всю подлинную правду. Мы—соціальдемократы—поможемъ вамъ отыскать то мѣсто, гдѣ схоронились враги и измѣнники, Іуды—предатели и палачи—душители русскаго народа.

Мы укажемъ вамъ, мы—тѣ самые соціальдемократы,—на которыхъ попы и полицейскіе вамъ доносятъ, какъ на измѣнниковъ и враговъ Россіи.

Вы должны выслушать насъ, потому что ни на церковномъ амвонѣ, ни въ волости, ни въ канцеляріи полицейской вы не увидите и не услышите насъ, потому что вынуждены мы говорить изъ своего темнаго подполья, гдѣ мы укрываемся отъ настоящихъ враговъ и предателей Россіи.

Вы должны выслушать насъ, потому что только отъ насъ вы услышите дѣйствительную правду, потому что только наше вольное слово не куплено золотомъ, только наши уста говорятъ свободно, не по приказу начальства, не по указкѣ сильныхъ міра сего.

Мы говоримъ вамъ изъ подполья, гдѣ мы прячемся отъ полиціи и жандармовъ, пока насъ не выловятъ эти царевы слуги и не ввергнутъ въ темницы, и не пошлютъ въ Сибирь, не замучатъ до смерти, какъ сдѣлали это уже со многими, многими тысячами нашихъ товарищей. Въ ожиданіи своей очереди, когда смѣнятъ насъ новые товарищи, мы говоримъ вамъ отъ имени всѣхъ погубленныхъ за правое дѣло людей—мужчинъ и женщинъ, стариковъ и юношей. Мы говоримъ вамъ:

Вѣрьте намъ, потому что ни чиновный мундиръ, ни поповская ряса не покрываетъ наше тѣло; потому что ни чинами и орденами, ни богатствомъ и почестями не вознаграждается наше слово. Вѣрьте намъ, потому что одну награду даетъ намъ наше слово, наша мысль, наша вѣра: тюрьму и каторгу, Сибирь и разстрѣлъ. Вѣрьте тѣмъ, кого преслѣдуютъ и поносятъ!

„Чего хотятъ враги отечества“?

Вамъ говорятъ, что измѣнники Россіи, это—жиды и армяне, поляки, и студенты, сѣятели стачекъ и распространители книжекъ. И вамъ говорятъ, что все это — мы, соціальдемократы.

Да, правда это, что среди насъ есть и евреи, и русскіе, и поляки и армяне, есть и студенты, въ нашихъ рядахъ всѣмъ есть мѣсто, лишь бы человѣкъ стоялъ за рабочій народъ, защищалъ его права. Нѣтъ только мѣста въ нашихъ рядахъ ни измѣнникамъ родинѣ, ни предающимъ народъ свой для своей корысти. Они—наши враги, кто бы они ни были: русскіе или евреи, поляки или татары.

Вамъ говорятъ, что мы сѣемъ стачки среди рабочихъ. Правда это! То правда, что мы зовемъ

рабочихъ бороться за лучшую жизнь. То правда, что мы говоримъ рабочему человѣку: не имѣешь ты права губить свою семью, изнуряя себя чрезмѣрнымъ трудомъ на пользу своему хозяину, не долженъ ты преждевременно расточать свои силы, чтобы оставить нищими своихъ дѣтей; не долженъ ты молчаливо сносить холодъ и голодъ, обиды и обирательство. Долженъ ты соединяться съ товарищами — рабочими и сообща бороться за лучшія условія труда, за лучшее обращеніе. Да, мы говоримъ это, мы зовемъ рабочихъ на борьбу, мы повторяемъ имъ, что одинъ рубль въ день платы справедливѣе и лучше, чѣмъ 70 копѣекъ, что 8 часовъ работать имъ выгоднѣе, чѣмъ 12 или 14 часовъ. Мы говоримъ это, но развѣ говорить это—значитъ измѣнять своему отечеству? Хотѣть, чтобы русскій рабочій человѣкъ выпрямилъ свою спину—значитъ ли это помогать иноземцамъ? Помогать труженнику устроить свою семью получше, дать науку своимъ дѣтямъ, лучше кормить и одѣвать ихъ—значитъ ли это служить врагамъ родины? Заботиться о томъ, чтобы не били рабочаго ни мастера, ни полицейскіе, чтобы не грабили его хозяева и кулаки — значитъ ли это желать зла своему народу? А, вѣдь, мы это и дѣлаемъ, мы, соціальдемократы, когда идемъ къ рабочему люду и, вопреки всѣмъ гоненіямъ, помогаемъ ему сплотиться въ одну семью и силой отвоевать лучшую жизнь для себя и дѣтей своихъ. И не напрасна наша работа: развѣ не борьбой, развѣ не стачками по всей Россіи добились рабочіе того, что и трудъ ихъ сталъ меньше, и плата больше, и обращеніе съ ними лучше, чѣмъ прежде?

Вамъ говорятъ, что мы разносимъ смуту по русской землѣ, что въ своихъ книжкахъ возмущаемъ народъ, и что этимъ помогаемъ иноземцамъ. Читайте же наши книжки и листки, чтобы узнать свободное, ничѣмъ не связанное слово! Потому что только мы можемъ говорить въ своихъ книжкахъ про нужду крестьянина, про бѣдствія рабочаго, про гнусныя дѣла чиновниковъ, про преступленія дворянъ и богачей. Всякая дру-

гая книжка, всякое другое печатное слово туго связано полицейской петлей и, прежде чѣмъ напечатать газету или книгу, чиновники заботятся, чтобы не было чего либо сказано, что можетъ быть непріятно грабителямъ русскаго народа. Такъ неужто-жъ это измѣна—понести въ народъ честное, свободное, незнающее узды слово? Неужто послужитъ иностранцамъ тотъ, кто скажетъ мужику: ты такой же человѣкъ, какъ баринъ, который заставляетъ тебя работать на его милость? Или тотъ измѣнникъ, кто скажетъ рабочему: у тебя такія же точно права, какъ у фабриканта, который питается потомъ твоихъ трудовыхъ ночей, который раститъ своихъ сытыхъ дѣтей за счетъ тѣхъ денегъ, что не хватаетъ на хлѣбъ твоимъ ребятамъ? Неужто это значитъ — измѣнять своему народу, ежели писать въ листкахъ и книжкахъ: русскіе люди такія же существа, какъ и нѣмцы, и англичане, и французы, и японцы. Что тѣмъ здорово, то и нашимъ не можетъ быть смерть. Ежели они не развратились и не обнищали оттого, что надъ ними нѣтъ власти урядниковъ и жандармовъ, земскихъ и становыхъ, то и русскіе люди не погибнутъ, выгнавъ отъ себя всю эту нечисть. Если нѣмецъ не страдаетъ отъ того, что для его дѣтей казна содержитъ порядочную школу, то, авось, и русскій человѣкъ это вынесетъ. Если французы не одичали и не раззорились оттого, что уничтожили дворянское званіе, то, пожалуй, и наша родина не опустѣетъ, коли отправитъ за моря тѣхъ, кому непремѣнно нужно, чтобы мужикъ гнулъ передъ нимъ шапку, да платилъ бы за всякую барскую прихоть! Если японецъ не только что живетъ, а еще и не жалуется, что его не бьетъ по щекамъ грязная полицейская лапа, то отчего бы и русскому народу не прожить безъ этой ласки? Если англичанинъ такъ устроился, что подати не раззоряютъ его, то почему-бы и русскому человѣку не получить въ податяхъ облегченія? Почему-же писать въ книжкахъ про все это, значитъ — измѣнять своему народу? Думается, это значитъ своему народу желать добра.

Цари и народъ.

Вамъ еще говорятъ, что мы призываемъ народъ къ бунту противъ царя и всѣхъ властей, и что это и есть измѣна своему народу. Потому что царь есть глава народа: кто возстаетъ противъ главы, тотъ, значитъ, идетъ и противъ самаго народа.

Такъ ли это, однако? Слышали-ли когда-нибудь вы, чтобы мы—соціалисты—нападали на какого нибудь царя за то, что онъ сдѣлалъ что нибудь доброе для народа? Правда, что ни объ одномъ русскомъ царѣ мы не говоримъ народу добраго слова. Но послушайте насъ—кто правъ въ этомъ дѣлѣ? Вотъ былъ у насъ царь Александръ II. За то, что подписалъ онъ крестьянамъ волю, можно ли его проклинать? Конечно, нѣтъ. Но за то мы его порицаемъ, что мало далъ онъ крестьянамъ воли, что закономъ закрѣпилъ надъ крестьяниномъ волю барскую—оставилъ дворянина господиномъ надъ мужикомъ; за то, что отрѣзалъ у крестьянъ лучшія угодья и отдалъ ихъ помѣщикамъ, а крестьянамъ велѣлъ платить за полученные кусочки ихъ же земли пятидесятилѣтній выкупъ; за то, что дворовыхъ пустилъ по-міру, не давъ имъ ни клочка земли. Словомъ, за то, что обманулъ крестьянъ, ждавшихъ отъ него воли, за то, что свою власть и вѣру мужицкую въ себя употребилъ на ограбленіе крестьянъ въ пользу помѣщиковъ.

Былъ у насъ царь Александръ III. Очень его любили чиновники, дворяне и попы. И этотъ царь не заслужилъ любви народа. Всѣ 13 лѣтъ своего царствованія онъ грубо давилъ русскій народъ, а всего больше—крестьянъ и рабочихъ. Это онъ посадилъ по деревнямъ земскихъ начальниковъ. Это онъ, вооруживъ ихъ розгой, крѣпкимъ словомъ и самодержавной властью, сталъ черезъ нихъ прижимать крестьянъ на пользу помѣщикамъ и міроѣдамъ. Это при немъ—по его желанію—установился тотъ варварскій порядокъ, чтобы пороть крестьянъ всякій разъ, какъ они станутъ противиться какой

нибудь барской или чиновничьей несправедливости. Это онъ повсюду—въ судахъ, въ земствахъ, въ школахъ, въ волости,—вмѣсто выборныхъ отъ общества людей, развелъ крапивное сѣмя—чиновниковъ, пьющихъ кровь изъ народа, расхищающихъ мірскія деньги, продающихъ народъ оптомъ и въ розницу для собственной корысти и чинящихъ всякую неправду надъ „простымъ“ народомъ, не зная ни суда ни управы. Это онъ раздалъ много сотенъ милліоновъ казенныхъ денегъ господамъ дворянамъ подъ залогъ ихъ захудалыхъ имѣній, и прощалъ имъ неплатежъ процентовъ и не взыскивалъ съ нихъ полученной ссуды — и для чего? Чтобы не перевелась на Руси благородная порода лежебоковъ, тунеядцевъ, гордыхъ тѣмъ, что изъ рода въ родъ ихъ предки, ничего не дѣлая, купались въ роскоши, благодаря труду крѣпостного мужика. Это онъ — Александръ III, — въ угоду фабрикантамъ и всякимъ кулакамъ ввелъ тяжелыя наказанія для рабочихъ за мирную стачку, за простой отказъ отъ невыгодной работы. Это онъ запрещалъ кормить голодающихъ мужиковъ въ 1891 году: вѣдь, господа дворяне боялись, какъ бы подкормленный мужикъ не отказался работать въ голодный годъ за ломанный грошъ. Это онъ, чтобы доставить фабрикантамъ больше барышей, сталъ облагать громадной пошлиной всѣ нужные въ крестьянскомъ обиходѣ продукты и тѣмъ поднялъ цѣны на нихъ. Стало быть, имѣли мы право назвать его царемъ крестьянскаго голода, главнымъ грабителемъ, разорителемъ и угнетателемъ русской земли?

А нынѣшній царь Николай II, горе-самодержецъ, не заслужилъ, что-ли, проклятій народа? Оглянитесь вокругъ, посмотрите, что сдѣлано правительствомъ за 10 лѣтъ его царствованія? Вспомните, сколько разъ, по приказу этого самаго царя, котораго на картинахъ рисуютъ съ добренькой улыбкой, среди своихъ выхоленныхъ дѣтей, сколько разъ по его приказу стрѣляли солдаты въ рабочихъ и крестьянъ? Всѣ слышали про эти случаи. Годъ отъ году ихъ становится больше, и съ

каждымъ разомъ больше и больше народу избивается на улицахъ. Знаете-ли вы, что 50 мѣстъ можно насчитать по всей Россіи, гдѣ за послѣдній только годъ царскія войска стрѣляли въ мирныхъ труженниковъ? Тысячи человѣкъ нашли себѣ преждевременную смерть за то, что захотѣли помочь своей нуждѣ. А сколько избиты, изранены, изсѣчены! А сколько людей, „по указу Его Императорскаго Величества", было сослано на каторгу, на поселеніе, отправлено въ тюрьмы подлыми царскими судьями и жандармами! И не по царскому-ли приказу начата, не изъ за его ли упорства продолжается та безчестная, вредная, никому не нужная война, въ которой столько семей потеряли своихъ отцовъ — единственныхъ своихъ кормильцевъ? Народъ весь кричитъ, что не хочетъ такой войны, что сытъ онъ пережитыми за этотъ годъ страданіями, что не можетъ больше отдавать своихъ сыновъ на кровавую потѣху, что нѣтъ у него больше средствъ поддерживать военные расходы. А царь—знай себѣ—шлетъ новые и новые полки на убой, разстрѣливаетъ солдатъ, которые противятся этому безчеловѣчію, и черезъ каждые 2-3 мѣсяца беретъ въ долгъ новыя сотни милліоновъ. И при этомъ даетъ расписку банкирамъ, что будетъ сдирать на уплату процентовъ деньги съ народа. Такъ неужто такого царя мы не должны проклинать, какъ худшаго врага народа, какъ злодѣя, хранящаго въ своемъ дворцѣ ключи къ свободѣ, къ счастью, къ лучшей жизни трудящагося люда?

Сказка и быль.

Знаемъ мы, хорошо знаемъ, что отъ подлаго, продажнаго, жестокаго, преступнаго царя темный человѣкъ наровитъ мыслью обратиться къ лучшему царю, справедливому, доброму — отъ существующаго дворянскаго и чиновничьяго царя спасаться къ царю мужицкому. Только гдѣ такіе цари бывали? Говорили ли вамъ отцы и дѣды о такомъ царѣ? Слыхали ли вы хоть объ одномъ

царѣ, который управлялъ бы страной черезъ мужиковъ, а не черезъ дворянъ и чиновниковъ? Нѣтъ, ни про одного такого вы не слышали — ни въ Россіи, ни въ другихъ странахъ. Всегда такъ было и вездѣ такъ есть: гдѣ царь, тамъ дворецъ; гдѣ дворецъ, тамъ придворная челядь, гдѣ придворная челядь, тамъ холопство, лесть, подлость, обманъ, грабежъ. Гдѣ дворецъ, тамъ тунеядцы, тысячи тунеядцевъ, живущихъ царской милостью, получающихъ отъ царя въ кормленіе достояніе „простого“ народа, тамъ вездѣ покровительство тѣмъ, кто уже имѣетъ много, обирательство тѣхъ, у кого и такъ почти ничего нѣтъ. Не было ни одного еще царя, который бы для содержанія войска, полиціи, суда, собиралъ подати, главнымъ образомъ, съ богатыхъ классовъ, а не съ крестьянъ, мѣщанъ и рабочихъ. Не было ни одного еще царя, который признавалъ бы равноправными дворянскаго сына и крестьянскаго, который бы принималъ въ своихъ палатахъ мужиковъ, какъ онъ принимаетъ постоянно генераловъ, министровъ и дворянъ.

Изъ поколѣнія въ поколѣніе, изъ рода въ родъ русскій трудящійся человѣкъ все тѣшитъ себя мыслью: когда нибудь у царя батюшки откроются очи на народную нужду, прогонитъ онъ отъ себя чиновныхъ своихъ совѣтниковъ и протянетъ мужику руку помощи: на—бери господскую землю, будь отнынѣ свободенъ отъ палки земскаго, да отъ окладныхъ листовъ податнаго чиновника! Строитъ себѣ мужикъ въ головѣ небывалаго царя, и ради этого небывалаго, *придуманнаго* царя, который еще когда-то проявится, терпитъ, кряхтя, сотни самихъ заправскихъ царьковъ съ петербургскимъ царемъ во главѣ, что усѣлись на его загорбкѣ и вотъ вотъ своей тяжестью совсѣмъ переломаютъ ему и такъ уже въ дугу согнувшійся хребетъ. Изъ года въ годъ молва идетъ по селамъ: слышно, царь собирается дать манифестъ объ облегченіи податей, о нарѣзкѣ земли. Слышно, царю кто-то всю правду разсказалъ про крестьянское житье, а онъ, сердешный, и не зналъ до

того про нужду мужицкую, а какъ узналъ, тотчасъ сказалъ: надо мужику дать облегченіе. Изъ года въ годъ лелѣетъ мужикъ мысль, что царь не знаетъ про бѣды народныя, что *чиновники ему правды не доносятъ*. Вонъ, какъ онъ узнаетъ, тогда —держись, полиція и дворяне! Вотъ какъбы ему всю правду-то, какъ на ладони, показать, тогда-бы...

Чего еще — тогда-бы?... Развѣ не слышали вы, какъ петербургскіе рабочіе 9-го января сего года пошли показывать правду этому самому царю? Нечего строить мечты, когда все, о чемъ мечтаешь, случилось въ явь — только конецъ былъ не тотъ, что въ сказкахъ мужицкихъ бываетъ! *Двѣсти тысячъ* питерскихъ рабочихъ пошли съ челобитной къ царю Николаю II. Двѣсти тысячъ — это не шутка! Двѣсти тысячъ — это, значитъ, всѣ работающіе въ Питерѣ люди, которыхъ нужда со всѣхъ концовъ Россіи согнала въ столицу. Ужъ они то, поди, хорошо знали долю крестьянскую. Чего же они хотѣли? А немного хотѣли: хотѣли лично царю передать про свое рабочее, да про-мужицкое горе и просить царя не слушаться чиновниковъ, которые только угнетаютъ народъ, да царя обманываютъ, а приказать всѣмъ русскимъ гражданамъ выбрать своихъ выборныхъ и послать въ Петербургъ, чтобы тамъ эти выборные собрались и порѣшили, вмѣстѣ съ царемъ, какъ устроить, чтобы народъ больше не голодалъ и не обирали его кулаки и чиновники. Замѣтьте это: не *противъ* царя они хотѣли свою долю улучшать, а вмѣстѣ съ царемъ! И еще они просили, чтобы это собраніе выборныхъ постановило: *отдать землю крестьянамъ*. Вотъ какъ писали въ своей челобитной петербургскіе рабочіе:

„Государь, насъ здѣсь многія тысячи, и все это люди только по виду, только по наружности, въ дѣйствительности же, за нами, равно, какъ и за всѣмъ русскимъ народомъ, не признаютъ ни одного человѣческаго права, ни даже права говорить, думать, собираться, обсуждать нужды, принимать мѣры къ улучшенію своего положенія. Насъ поработили и поработили, подъ покровительствомъ твоихъ чиновниковъ, съ ихъ помощью, при ихъ содѣйствіи. Всякаго изъ насъ, кто осмѣлится поднять голосъ въ защиту интересовъ рабочаго класса и народа, бросаютъ

въ тюрьму, отправляютъ въ ссылку. Караютъ, какъ за преступленіе, за доброе сердце, за отзывчивую душу. Пожалѣть забитаго, безправнаго, измученнаго человѣка, значитъ совершить тяжкое преступленіе. Весь народъ, рабочіе и крестьяне, отданъ на произволъ чиновничьяго правительства, состоящаго изъ казнокрадовъ и грабителей, не только совершенно не заботящихся объ интересахъ народа, но попирающихъ эти интересы. Чиновничье правительство довело страну до полнаго разворенія, навлекло на нее позорную войну и все дальше и дальше ведетъ Россію къ гибели. Мы, рабочіе и народъ, не имѣемъ никакого голоса въ расходованіи взимаемыхъ съ насъ огромныхъ поборовъ. Мы даже не знаемъ, куда и на что деньги, собираемыя съ обнищавшаго народа, уходятъ. Народъ лишенъ возможности выражать свои желанія, требованія, участвовать въ установленіи налоговъ и израсходованіи ихъ. Рабочіе лишены возможности организоваться въ союзы для защиты своихъ интересовъ. Государь, развѣ это согласно съ божескимъ закономъ, милостію котораго ты царствуешь? Не лучше ли умереть, умереть всѣмъ намъ, трудящимся людямъ Россіи? Пусть живутъ и наслаждаются капиталисты, эксплоататоры рабочаго класса, чиновники, казнокрады и грабители русскаго народа. Вотъ что стоитъ передъ нами, Государь, и это насъ собрало къ стѣнамъ твоего дворца, тутъ мы ищемъ послѣдняго спасенія. Не откажи въ помощи твоему народу, выведи его изъ могилы безправія, нищеты и невѣжества, дай ему самому вершить свою судьбу, сбрось съ него невыносимый гнетъ чиновниковъ. Разрушь стѣну между тобой и твоимъ народомъ, и пусть онъ правитъ страной вмѣстѣ съ тобой. Вѣдь, ты поставленъ на счастье народа, а его чиновники вырываютъ у насъ изъ рукъ, къ намъ оно не доходитъ, мы получаемъ только горе и униженіе. Взгляни безъ гнѣва, внимательно на наши просьбы, онѣ направлены не ко злу, а къ добру, какъ для насъ, такъ и для тебя, Государь. Не дерзость въ насъ говоритъ, а сознаніе необходимости выхода изъ невыносимаго положенія.

Россія слишкомъ велика, нужды ея слишкомъ многообразны и многочисленны, чтобы одни чиновники могли управлять ею Необходимо народное представительство, необходимо, чтобы самъ народъ помогалъ себѣ и управлялъ собою, вѣдь ему только и извѣстны истинныя его нужды. Не отталкивай его помощь, прими ее, повели немедленно, сейчасъ же, призвать представителей земли русской отъ всѣхъ классовъ, отъ всѣхъ сословій, представителей и отъ рабочихъ. Пусть тутъ будетъ и капиталистъ и рабочій, и чиновникъ и священникъ, и докторъ и учитель, пусть всѣ, кто бы они ни были, изберутъ своихъ представителей. Пусть каждый будетъ равенъ и свободенъ въ правѣ избранія, а для этого повели, чтобы выборы въ учредительное собраніе происходили при условіи всеобщей, равной и тайной подачи голосовъ. Это самая главная наша просьба, въ ней и на ней зиждется все, это главный и единственный пластырь для нашихъ больныхъ ранъ, безъ котораго эти раны вѣчно будутъ сочиться и быстро двигать насъ къ смерти. Но одна мѣра все же не можетъ заживить всѣхъ нашихъ ранъ. Необ-

ходимы еще и другія, и мы прямо и открыто, какъ отцу, говоримъ тебѣ, Государь, о нихъ отъ лица всего трудящагося класса Россіи.

Необходимы:

I. *Мѣры противъ невѣжества и безправія русскаго народа.*

1. Немедленное освобожденіе и возвращеніе всѣхъ пострадавшихъ за политическія и религіозныя убѣжденія, за стачки и народные крестьянскіе безпорядки.

2. Немедленное объявленіе свободы и неприкосновенности личности, свободы слова, печати, свободы собраній, свободы совѣсти въ дѣлѣ религіи.

3. Общее обязательное народное образованіе на государственный счетъ.

4. Отвѣтственность министровъ передъ народомъ и гарантія законности правленія.

5. Равенство передъ закономъ всѣхъ безъ исключенія.

6. Отдѣленіе церкви отъ государства.

II. *Мѣры противъ нищеты народной.*

1. Отмѣна косвенныхъ налоговъ и замѣна ихъ прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ.

2. Отмѣна выкупныхъ платежей, дешевый кредитъ и постепенная передача земли народу.

3. Исполненіе заказовъ военнаго и морского вѣдомствъ должно быть въ Россіи, а не заграницей.

4. Прекращеніе войны по волѣ народа.

III. *Мѣры противъ гнета надъ трудомъ.*

1. Отмѣна института фабричныхъ инспекторовъ.

2. Учрежденіе при заводахъ и фабрикахъ постоянныхъ коммиссій выборныхъ рабочихъ, которые совмѣстно съ администраціей разбирали бы всѣ претензіи отдѣльныхъ рабочихъ.

Увольненіе рабочаго не можетъ состояться иначе, какъ по постановленію этой коммиссіи.

3. Свобода потребительно-производительныхъ и профессіональныхъ рабочихъ союзовъ — немедленно.

4. 8-ми часовой рабочій день и нормировка сверхурочныхъ работъ.

5. Свобода борьбы труда съ капиталомъ, немедленно.

6. Нормальная заработная плата, немедленно.

7. Непремѣнное участіе представителей рабочихъ классовъ въ выработкѣ законопроектовъ о государственномъ страхованіи рабочихъ, немедленно.

Вотъ, Государь, наши главныя нужды, съ которыми мы пришли къ тебѣ. Лишь при удовлетвореніи ихъ возможно освобожденіе нашей родины отъ рабства и нищеты, возможно ея процвѣтаніе, возможно организоваться рабочимъ для защиты своихъ интересовъ отъ наглой эксплуатаціи капиталистовъ и грабящаго и душащаго народъ чиновничьяго правительства.

Повели и поклянись исполнить ихъ, и ты сдѣлаешь Россію счастливою и славною, а имя твое запечатлѣешь въ сердцахъ

нашихъ и нашихъ потомковъ на вѣчныя времена. А не повелишь, не отзовешься на нашу мольбу, — мы умремъ здѣсь на этой площади, передъ твоимъ дворцомъ. Намъ некуда дальше идти и незачѣмъ. У насъ только два пути: — или къ свободѣ и счастью, или въ могилу... Пусть наша жизнь будетъ жертвой для настрадавшейся Россіи. Намъ не жаль этой жертвы, мы охотно приносимъ ее."

Крѣпко, видно, запала рабочимъ въ голову эта мысль, которую имъ отцы твердили въ деревнѣ: „царь не знаетъ, только бы до царя добраться!" Вотъ и рѣшили добраться до царя, всѣмъ вмѣстѣ, вызвать его и поговорить съ нимъ откровенно. Священникъ тутъ былъ молодой, отецъ Георгій Гапонъ. Онъ все увѣрялъ: вѣрьте мнѣ, не знаетъ царь про ваши бѣдствія, про нищету своего народа. Если-бы онъ зналъ, дня одного не сохранилъ бы этихъ гнусныхъ порядковъ. Идите къ нему безбоязненно, только, чтобы шума не было, чтобы не могли потомъ налгать ему чиновники, будто мы бунтовать собирались. И рабочіе вѣрили. Старики говорили молодежи заводской: „смотрите, вы! ни флаговъ красныхъ съ собой не берите, ни пѣсенъ буйныхъ не пойте — неравно дѣло испортите. Да чтобы никакого оружія никто съ собой не бралъ, *мирно* чтобы все шло". Ну, наши товарищи — соціальдемократы, правду сказать, не вѣрили всей этой затѣѣ, предупреждали: не выйдетъ, вѣдь, царь къ вамъ — не даромъ онъ, какъ вся эта каша заварилась, удралъ въ Царское Село. „Пріѣдетъ къ народу"! кричалъ на это отецъ Гапонъ — я ему послалъ письмо, что нижайше просимъ его явиться съ народомъ говорить и что безопасно ему будетъ. Видятъ наши — съ народомъ не сговоришь: очень ужъ онъ вѣритъ въ милость и справедливость царскую. Дѣлать нечего — не идти же противъ своихъ, рѣшили и наши съ оружіемъ не ходить. А рабочіе нарочно женъ и дѣтей съ собой привели въ воскресенье 9 января — пусть посмотрятъ на царя и пусть царь видитъ, что не для бунта пришли.

Шли, можно сказать, какъ лучше его величеству и желать не надо, хоть и видѣли, что на всѣхъ углахъ войска разставлены и полиція гро-

зила, что стрѣлять будутъ. Шли, словно въ крестномъ ходу — тихо, спокойно, въ порядкѣ. Въ иныхъ мѣстахъ даже „боже царя храни“ и „коль славенъ“ пѣли. Какой то дурень даже хоругвь впереди толпы понесъ: дескать, въ святыню-то ужъ, навѣрное, стрѣлять не будутъ. Другіе царскій портретъ тащили — „мы за царя, стало быть“! Священникъ Гапонъ въ рясѣ своей тоже впереди шелъ. Весь Петербургъ шелъ говорить съ царемъ о народныхъ нуждахъ.

Ну, и былъ разговоръ — всѣ, вѣрно, вы слышали. На всѣхъ концахъ Питера въ толпу стрѣляли, перебили множество людей, много женщинъ и дѣтей. А когда все же многіе прорвались ко дворцу и передъ дворцомъ все ждали — ждали, когда же царь выйдетъ — то тамъ, на Дворцовой площади, въ мирно глядѣвшую толпу нежданно посыпались снова пули и безъ счета стрѣляли господа гвардейцы. Тѣмъ и кончилось *кровавое* воскресенье. А царь? А царь сидѣлъ себѣ въ Царскосельскомъ дворцѣ и, блѣдный, злой, говорилъ въ телефонъ съ своими дядями, которые распоряжались главной битвой на петербургскихъ улицахъ. Царь спрашивалъ: „ну что, разогнали?“, а ему отвѣчали: „пока уже 100, 200, 300 убитыхъ — а все идутъ“ И царь отвѣчалъ: „не пускать ко дворцу, стрѣлять!“ А къ вечеру онъ уже слушалъ донесеніе: „горячее было дѣло, ни за что уходить не хотѣли, тысячъ 10 пуль пришлось истратить“. И на вопросъ царя (онъ тоже заботливый, вѣдь!): „ну, а наши потери?“—господа командиры отвѣчали: „ни одного раненнаго, ваше величество! *мятежники совсѣмъ не защищались!*“

Своими очами увидали петербургскіе рабочіе, какова бываетъ царская справедливость. Не довольно ли уже съ русскаго народа этого урока? Не правы ли были тѣ самые соціальдемократы, которые говорили: если ужъ идти ко дворцу, то *не съ пустыми руками*; если уже говорить съ царемъ, то не молить его, а *требовать*! Продѣлали петербургскіе рабочіе всю мужицкую сказку, какъ по писанному: честью просили царя отказаться

отъ злыхъ совѣтниковъ и обратиться къ народу. Теперь они уже видятъ, что сказка — сказкой, а дѣло—дѣломъ, что *народный царь*, какъ родился въ мужицкой головѣ, такъ и не вылѣзалъ изъ нея въ дѣйствительную жизнь, а настоящіе то цари—господа Романовы—изъ того самаго тѣста слѣплены, изъ котораго и всѣ маленькіе столичные, губернскіе, уѣздные и волостные царьки — чиновники.

Вотъ священникъ Гапонъ, какъ побывалъ подъ царскими пулями, какъ увидалъ на дѣлѣ, что значитъ *единеніе царя съ народомъ*, о которомъ онъ мечталъ, такъ совсѣмъ другимъ языкомъ заговорилъ. И про рясу свою забылъ, и про *мирныя* шествія. „Нѣтъ у насъ болѣе царя“, говоритъ онъ теперь въ своемъ письмѣ къ рабочимъ и зоветъ народъ истребить все это „августѣйшее змѣиное отродіе“—великихъ князей. Ну, на это мы говоримъ; это ты, отче, ужъ черезчуръ хватилъ! *Истреблять*, т. е., убивать ихъ такъ, какъ они насъ убивали и убиваютъ, для насъ игра свѣчъ не стоющая. Не многаго, конечно, стоитъ жизнь всѣхъ этихъ злодѣевъ, только отъ убійства ихъ пользы много не будетъ народу — развѣ сердце облегчитъ. А вотъ *прогнать* ихъ всѣхъ вонъ, со всей ихъ челядью, скинуть ихъ съ шеи, избавить отъ ихъ власти государство — это, дѣйствительно, нужно, и объ этомъ мы давно говоримъ, да за это самое насъ и прозвали „врагами отечества“.

Что прежде всего народу нужно?

Да, мы говоримъ: если не хотите быть рабами, у чиновниковъ, то надо всѣхъ господъ по боку, не только старшинъ и земскихъ и губернаторовъ, но и министровъ и главнаго ихъ хозяина — царя! Если хотите быть свободными, да чтобы никакая чужая рука не мѣшала народу устраивать свое счастье, заботиться о своей сытости, о лучшей жизни для дѣтей — то не терпите никакихъ начальниковъ, свыше надъ вами поставленныхъ, а всѣ общественныя и государственныя дѣла вѣ-

дайте черезъ *свободно выбранныхъ своихъ представителей*, подотчетныхъ тѣмъ, кто ихъ выбиралъ. Хотите вы, чтобы ваши дѣти имѣли доступъ въ хорошую школу, чтобы больной могъ найти врачебную помощь, увѣчный — пріютъ отъ холода и голода, чтобы бѣдняку была какая нибудь управа на обидчика? Такъ добивайтесь, чтобы всѣ граждане имѣли *политическія права*. То есть, чтобы я, Иванъ Петровъ Сидоровъ, у котораго дѣдъ считался крѣпостной *собственностью* какого нибудь графа, чтобы я считался и былъ дѣйствительно — свободнымъ человѣкомъ: могъ жить, гдѣ хочу (*свобода передвиженія*); заниматься тѣмъ, чѣмъ пожелаю (*свобода промысловъ*); разговаривать, съ кѣмъ хочу о комъ хочу и гдѣ хочу (свобода слова); писать и печатать то, что хочу (свобода *печати*); думать и вѣрить въ то, во что вѣрится (*свобода совѣсти*); соединяться съ другими Иванами въ какое угодно общество (*свобода союзовъ*); собираться съ товарищами, когда вздумается (свобода *собраній*) и столковываться съ ними о томъ, какъ бы намъ поменьше своей крови отдать какому нибудь Кить Китычу за его грошевую заработную плату или за кусокъ полученной отъ него въ аренду земли (свобода *стачекъ*). И чтобы у себя въ домѣ я самъ былъ хозяинъ, чтобы никакой полицейскій чинъ не смѣлъ у меня въ домѣ шарить, не смѣлъ и сунуться въ мою избу съ обыскомъ (*неприкосновенность жилища*), чтобы никто не могъ меня арестовать или выслать или избить только потому, что у его милости свѣтлыя пуговицы (*неприкосновенность личности*). Да чтобы надо мной одинъ былъ законъ — тотъ законъ, который установили представители, мною да всѣми гражданами выбранные, а не выжившіе изъ ума чиновные старцы, понасаженные царемъ въ Государственный Совѣтъ; чтобы никакой чинъ не смѣлъ этого закона отмѣнять, и чтобы мой, мною выбранный представитель, обязанъ былъ разъ въ два года отдать всему народу отчетъ — какіе законы онъ установилъ, и если плохіе, то чтобы мы могли его — по шапкѣ! Чтобы у всѣхъ этихъ народныхъ, выбранныхъ

Ч. 5263
Библіотека Института Ленина

всѣмъ народомъ представителей, былъ на отчетѣ каждый чиновникъ—отъ главы государства (главнаго министра) до послѣдняго городового, и каждаго за нарушеніе закона, чтобы предавали суду! Чтобы ни одной копѣйки я не долженъ былъ платить въ казну, если этого налога не назначитъ собраніе довѣренныхъ народныхъ представителей, въ которомъ и мой выборный сидитъ. Вотъ такой то порядокъ мы и называемъ *демократической* (всенародной) *республикой* (самоуправленіемъ). Сами — всѣ 150 милліоновъ жителей — будемъ управлять своими общественными дѣлами, какъ люди свободные, черезъ своихъ выборныхъ и подотчетныхъ довѣренныхъ людей. И за то, что мы такихъ порядковъ добиваемся, за это насъ прозываютъ „измѣнниками родинѣ?“ Чудно! Ужъ не въ томъ ли измѣна родинѣ, что мы хотимъ добиться для мужика такого управленія, при которомъ не было бы стражника, чтобы за нимъ шпіонить, урядника, чтобы съ него сдирать всякіе поборы, земскаго, чтобы его бить и то и дѣло — въ клоповникъ упекать, предводителя, чтобы заставлять его работать на барина задешево? Не въ томъ ли измѣна, что мы не хотимъ, чтобы налоги, какъ теперь водится, взымались по мудрому правилу: *если ты имѣешь много, то тебѣ еще дадутъ, если жъ ты имѣешь мало, то и это малое возьмутъ.* Не въ томъ ли наша измѣна, что мы говоримъ: пусть мужикъ пошлетъ своихъ выборныхъ во Всенародное Учредительное Собраніе и пусть эти выборные тамъ рѣшатъ, какъ помочь той крестьянской нищетѣ, отъ которой деревни наши на могилы становятся похожи? Ужъ и не въ томъ ли измѣна, что мы говоримъ фабриканту: нока еще ты сидишь на шеѣ рабочаго человѣка, пусть хоть руки у него будутъ развязаны, для борьбы съ вашимъ степенствомъ? Не за то ли насъ ославили измѣнниками, что мы говоримъ: пусть-ка прикинутъ наши выборные умомъ да разочтутъ: нельзя ли это какъ нибудь сдѣлать, чтобы на государственныя дѣла съ тѣхъ больше и брали, у которыхъ добра побольше?

По старинному или по новому?

Измѣна — говорятъ—въ томъ, что мы хотимъ старинный порядокъ, завѣщанный Россіи дѣдами и прадѣдами, смѣнить на новый, изъ чужихъ странъ позаимствованный. Что хотимъ миромъ помазанную семейку Романовыхъ изъ правителей разжаловать и замѣнить выборными должностными людьми. Оно точно — отъ нынѣшняго порядка припахиваетъ-таки стариной! Да, вѣдь, развѣ только и спасеніе, что въ старинѣ? Лѣтъ пятьдесятъ назадъ вотъ и про крѣпостное право такъ говорили: всегда такъ было, и всегда такъ будетъ; отцы такъ жили и намъ велѣли; не стать Россіи отъ Европы свободой заимствоваться; всегда были господа и всегда были рабы. Батюшки тоже очень сладко объ этомъ во всѣхъ церквяхъ говорили — точь въ точь, какъ сейчасъ поютъ про святость царскаго самодержавія. И точно также учили, что тѣ, кто говоритъ о волѣ для народа и кто требуетъ, чтобы мужикъ получилъ землю и свободу, — что всѣ они — измѣнники родинѣ, вражескими деньгами купленные. Тоже предрекали: если отмѣнить власть помѣщика надъ мужикомъ, то мужикъ и сопьется-то, и шерстью обростетъ, и лапу сосать будетъ, ничего не дѣлая, и поучить то его честному житью некому будетъ, и землю онъ запуститъ. Однако, ничего: какъ ни плохо живется и сейчасъ, а не найдется такого дурака, который пожелалъ бы воротить тѣ времена, когда баринъ мужика на конюшнѣ поролъ, да торговалъ человѣческимъ мясомъ, словно скотиной! Пожалуй, что такъ и впредь будетъ: никто не будетъ добромъ вспоминать то время, когда русскіе люди дѣлились на два разряда; тѣхъ, у кого на положенномъ мѣстѣ имѣются шиворотъ, и тѣхъ, кому царь далъ кокарду и свѣтлыя пуговицы съ правомъ тащить за эти самые шиворотъ...

А любопытно бы спросить у такого вотъ священника, который толкуетъ, что старинные порядки потому и мѣнять негоже, что они старин-

ные: какъ же вы сами, господа священники, отъ старины такъ легко отказались, *когда дѣло васъ самихъ коснулось?* Съ самаго Петра Великаго была церковь подчинена *государственной власти:* надъ митрополитами и епископами стоялъ *оберъ-прокуроръ* синода изъ свѣтскихъ (а то и военныхъ) чиновниковъ, и подъ его тяжелой рукой вся церковь была ничѣмъ инымъ, какъ „небесной канцеляріей"—служила правительству, помогая ему управлять народомъ. Рядомъ съ полицейскимъ и жандармомъ, управляющимъ помощью кулака да нагайки, стоятъ попъ имонахъ съ кропиломъ и евангеліемъ. За это попы и монахи получали отъ казны кормъ и помощь въ преслѣдованіи „еретиковъ", т. е. всѣхъ неподчиняющихся поповскому слову. Говоря по просту, духовенство продавало свое духовное служеніе за деньги и почести—ну точь въ точь, какъ иная красавица продаетъ старому грѣшнику свои ласки или какъ всякій чиновникъ продаетъ своему начальству свою совѣсть и свой разумъ.

Двѣсти лѣтъ длился этотъ порядокъ и считалось, что это самый лучшій порядокъ и для церкви, и для государства, и для народа (все, вѣдь, *для народа* дѣлается: ихъ превосходительства и ихъ благословенія ничего не дѣлаютъ, не помысливъ о народномъ благѣ). Немало было случаевъ, что мірянинъ или попъ даже начнетъ говорить, что недостойно это для духовенства служить у правительства въ церковныхъ жандармахъ, что церковь должна *сама собой управляться* и *выбирать своего главу—патріарха*, какъ это было до Петра I, когда священнослужители собирались на *церковные соборы.* И за такія рѣчи „святѣйшій синодъ", долго не медля, усылалъ рабовъ божіихъ на заточеніе въ монастырь. Еще не такъ давно поступили такимъ образомъ съ томскимъ священникомъ отцомъ Цвѣтаевымъ. Потому: не иди противъ того порядка, за которымъ числится 200 лѣтъ давности! Не даромъ наши попы похвалялись, что въ томъ и отличіе православія отъ лютеранской и католической вѣры, что главой церкви является

у насъ самъ царь, управляющій ею черезъ имъ же назначеннаго оберъ-прокурора!

А вотъ пришло то время, когда попы заговорили по иному! Какъ только, нуждаясь въ деньгахъ для войны, правительство протянуло руку къ *монастырскимъ богатствамъ*, такъ сейчасъ святые старички заявили: прежде дайте церкви *самоуправленіе* и *свободу*! И—смотришь—въ нѣсколько дней порѣшили: собрать *церковный соборъ*, который и выберетъ *патріарха*, чтобы управлять церковью безъ чиновниковъ и независимо отъ правительства! Вотъ какъ святые отцы *себѣ* покупаютъ свободу отъ царскихъ чиновниковъ! Стало быть, они-то хорошо знаютъ, что свободнымъ быть лучше, чѣмъ въ подчиненіи? Чего же они морочатъ простой народъ? Стало быть, они думаютъ, что въ своихъ дѣлахъ попы лучше управятся, чѣмъ назначенные царемъ прокуроры? Почему-жъ они противятся тому, чтобы и міряне своими дѣлами сами управлялись? Стало быть, *церковный соборъ*—полезное, по ихъ мнѣнію, дѣло? Почелу же вреднымъ будетъ *всенародный соборъ*? Стало быть, когда имъ это выгодно, попы готовы и „старинный“ порядокъ отмѣнить, отъ дѣдовъ и отцовъ завѣщанный? Чего же они другихъ за то же обличаютъ?

Тутъ намъ скажетъ попъ: мы старинный порядокъ мѣняемъ на еще болѣе старинный—до Петра Великаго были вездѣ церковные соборы и церковью управлялъ патріархъ. Вѣрно это, но, вѣдь до Петра то Великаго и нынѣшняго *самодержавія царскаго* не было, а, между тѣмъ, вы толкуете, что царское самодержавіе потому и нельзя мѣнять, что оно стариннаго происхожденія! Ежели вы будете на до-петровскія времена ссылаться, такъ и намъ не трудно будетъ глубокой старины тряхнуть и припомнить тѣ времена, когда русскій народъ самъ себѣ *князей* на царство выбиралъ, *бралъ съ нихъ присягу*—народа не грабить и не угнетать, а за нарушеніе присяги выгонялъ вонъ, а то и смерти предавалъ. И напомнимъ мы вамъ тогда про тѣ вольные города — Новгородъ, Псковъ, Вятку, —гдѣ горожане, посмѣнявъ князей и убѣдившись,

что всѣ одного поля ягодки, кончили тѣмъ, что вовсе безъ князей управлялись, *черезъ выборныхъ властей* (посадскихъ), словомъ, установили *республику*.

Да здравствуетъ республика!

Оно точно: куда это занятнѣе жить въ царской имперіи, чѣмъ въ какой-то тамъ республикѣ, гдѣ всѣ равны считаются! У насъ, по крайности, если мужикъ и пухнетъ отъ голода, за то у его величества дворцовъ столько, что онъ можетъ въ каждомъ изъ нихъ по недѣлькѣ за годъ пожить, а затѣмъ—мѣняй квартиру! У насъ если мужику и некуда скотину выгнать, зато у дома Романовыхъ имѣній по всѣмъ губерніямъ столько, что каждый изъ великихъ князей не только что каждаго своего сына и внука обезпечить можетъ, но еще и для каждой любовницы своей и ея потомства про запасъ можетъ оставить! У насъ ежели вонъ, по недостатку у казны средствъ, говорятъ, докторовъ нельзя наготовить на всю Россію, за то при домѣ Романовыхъ сколько содержится всякихъ лакеевъ, камерлакеевъ, фурьеровъ, гофъ-фурьеровъ, фрейлинъ, статсъ-дамъ, кавалерственныхъ дамъ, шталмейстеровъ, егермейстеровъ, церемоніймейстеровъ, курьеровъ, камергеровъ, секретарей, казначеевъ, и прочихъ столь же полезныхъ для общества людей—и на всю эту публику деньги находятся! У насъ ежели, въ случаѣ голода или падежа скота, на пособіе мужикамъ денегъ не находится, зато сколько въ годъ устраивается высочайшихъ смотровъ, парадовъ, маневровъ, сколько денегъ зато идетъ на царскія путешествія, когда дѣлыя дивизіи выгоняются украшать собою царскій путь! У насъ, если пуще огня боятся, чтобы рабочіе какъ нибудь лишній разъ не собрались поговорить о своихъ нуждахъ, зато сколько баловъ во дворцахъ устраиваютъ, сколько обѣдовъ, сколько царскихъ охотъ и всяческихъ празднествъ! А сколько у насъ каждый годъ изъ казны отпускается милліоновъ съ такой росписью: *на извѣстное*

его величеству употребленіе? А сколько у насъ разъ въ году однимъ почеркомъ царскаго пера отмѣняются царемъ же подписанные законы въ угоду тому или другому своему человѣку? Сколько разъ бываетъ, что когда сильный человѣкъ получитъ большее наслѣдство, царь постановляетъ: не брать съ него той пошлины, которая полагается при наслѣдованіи? Ну развѣ не лучше при такомъ порядкѣ, чѣмъ при какой то республикѣ, когда всякая казенная копейка на счету, и всякій законъ долженъ всѣми исполняться и потомки бывшихъ шталмейстеровъ и камергеровъ, потерявъ свои наслѣдственныя мѣстечки при дворѣ, попревратились въ простыхъ мошенниковъ, за которыми сыщики въ оба смотрятъ, когда они изволятъ играть въ карты въ какомъ нибудь клубѣ?

Правы вы, почтеннѣйшіе батюшки, правы вы, генералъ Богдановичъ и князь Мещерскій — по старинѣ жить много лучше...

А, вѣдь, и то взять: кому и лучше, а кому, пожалуй, и хуже будетъ. Генералу то Богдановичу, навѣрное, нельзя лучше и устроиться, чѣмъ при нынѣшнемъ порядкѣ. Числится онъ въ старостахъ Казанскаго собора въ Петербургѣ, а мѣсто это считается доходное. Сегодня — ремонтъ, завтра — украшеніе храма, глядишь, все копеечка набѣжитъ, а по ихъ генеральскому званію и близости къ царскому престолу, ни одинъ прокуроръ, ни одинъ слѣдователь не рѣшится заглянуть въ кассовые отчеты и справиться, откуда у генерала собственное состояніе все растетъ и растетъ.? Невыгодно прокурору этимъ дѣломъ заняться: хоть и зовутъ его „царевымъ окомъ“, да „блюстителемъ закона“, да только очень хорошо онъ знаетъ, что и закону иногда перемѣна бываетъ и его величество остановитъ слѣдствіе, когда генералъ хорошо объ этомъ попроситъ. Доходное это дѣло — быть старостой перваго столичнаго собора, да доброхотными даяніями мірянъ распоряжаться. Кто живалъ въ Петербургѣ, тотъ слышалъ разсказы про старосту Исаакіевскаго собора. Никакъ все не могли установить хорошо этого красиваго зданія — стро-

или его слышно, на зыбкомъ мѣстѣ, чего то тамъ строители не разсчитали и покосился соборъ на бокъ съ первыхъ же дней, да такъ, что каждую ночь ожидали сосѣди, что храмъ обрушится и всѣ окрестные дома свалитъ съ ногъ. Вотъ и стали годъ за годомъ чинить неудавшееся зданіе. Выдавали, какъ водится, деньги, обложили соборъ лѣсами, да такъ и не выходилъ ужъ онъ изъ этой лѣсной рамки. Дивятся жители: долго что-то ужъ чинится соборъ, а все толку нѣтъ! Пройдешь мимо — съ десятокъ рабочихъ что то такое стучатъ молотками, словно бы и не дѣло дѣлаютъ, а, такъ себѣ, забавляются. Годъ за годомъ проходитъ, соборъ все не достроенъ и все такъ же скривился, грозитъ упасть; зато кругомъ—все, какъ на подборъ, красивые, большіе, новые дома выведены и, какъ на грѣхъ, всѣ—господину соборному старостѣ принадлежатъ! Да, выгодно таки при нынѣшнемъ порядкѣ состоять соборнымъ старостой, и не даромъ генералъ Богдановичъ такъ старается убѣдить весь народъ, что лучшихъ порядковъ не бываетъ! Такъ то такъ, да только, ваше превосходительство, и то взять: вѣдь, на каждаго Ивана не запасешь по Казанскому собору!

Недурно и кпяземъ Мещерскимъ быть! Онъ вотъ 2 газеты издаетъ и за то, что онъ въ нихъ прославляетъ самодержавіе, проклинаетъ соціалистовъ, защищаетъ розгу—за это во всѣ волостныя правленія земскіе начальники отдаютъ приказъ: выписать изъ мірскихъ денегъ „Дружескія рѣчи“. И выходитъ, что князь Мещерскій обложилъ русское крестьянство *налогомъ въ свою собственную пользу*. Ну, конечно, въ республикѣ этого уже не возможно сдѣлать. Мудрено-ли, что князь кричитъ на насъ: измѣнники! Россію погубить хотите!

А вотъ французъ Жакъ, что слесаремъ работаетъ на заводѣ французской компаніи подъ Екатеринославомъ—вотъ онъ не согласенъ съ княземъ Мещерскимъ, будто бы отъ республики и свободы —одна скверность. На этого француза очень злятся наши мастеровые за то, что ту же работу онъ выполняетъ, что и они,—а ему платятъ 4 рубля по-

денно, имъ же — всего полтора. Пристаютъ къ нему: „Ни за что ты, мусью Жакъ, такія деньги получаешь!“ Тотъ молчалъ, молчалъ, только жался, а однажды возьми, да выпали: „какъ такъ ни за что, дурачье вы русское? За дѣло я получаю“. „За какое такое дѣло, кричатъ ему наши, ужъ не за то ли, что въ бога не вѣруешь?“ „Нѣтъ, говоритъ онъ, не за это, а за то, что *мои предки революцію сдѣлали и республику установили*“. Наши рты поразинули, а онъ и объясняетъ: „вы думаете, что если, по вашимъ русскимъ порядкамъ, за заводскую работу рубль—полтора даютъ, такъ это-ужъ и настоящая плата, и въ ноги за нее кланяться прикажете? Шалишь! за то мнѣ и даютъ тѣ четыре рубля, на которые вы заритесь, что я *свободный гражданинъ свободной республики*, и ради какихъ нибудь двухъ рублей въ вашу дикую страну не сталъ бы ѣхать. А звали меня—стало быть, нуженъ я, а нуженъ потому, что меня въ школѣ вонъ геометріи учили, и я потому работу чище васъ дѣлаю“. „Ну, хорошо, спрашиваютъ наши, а революція причемъ и республика?“ „А при томъ, что, пока у нашихъ дѣдовъ на шеѣ Бурбоны сидѣли (страсть, какъ на вашихъ Романовыхъ похожи!), такъ и мы—рабочіе и крестьяне—въ „мужикахъ“ числились и только лѣнивый не плевалъ намъ въ лицо. Ну, а теперь—при республикѣ—не смѣешь! мы сами себѣ господа! и чтобы значитъ, хлѣбъ съ мякиной ѣсть или тычки отъ мастера получать—этого не бываетъ и не будетъ“. „Да какъ же вы этотъ переворотъ совершили, какимъ путемъ изъ несвободныхъ свободными стали“? „Да право же, немного для этого понадобилось. Коротко сказать: короля своего Людовика мы казнили, голову отрубили—больно упирался онъ, боролся противъ свободы. Ну, господъ дворянъ тоже пришлось потревожить—нѣсколько сотъ тоже на гильотину [1]) послали, а остальные въ чужія страны убѣжали, земли мы у нихъ отобрали: ихъ-же мужики—кто посостоятельнѣе—расхватали. А затѣмъ

[1]) На плаху.

мы объявили, что всѣ граждане равны и свободны, и—ничего—живемъ, хоть и не во всемъ хорошо, только о старинѣ-то не жалѣемъ".

Главное-то, что забавно: когда французы своихъ Романовыхъ выпроваживали, да у князей Мещерскихъ усадьбы отнимали, тоже и у нихъ не мало было пророковъ, которые кричали: никогда этого не было видано, чтобы ни короля, ни дворянъ не было надъ народомъ, и погибнетъ Франція отъ новаго порядка! Пророчили, пророчили, а, вѣдь, вотъ же дошло до того, что французскаго президента, иначе сказать *выборнаго главу французскаго народа* цари во всѣхъ странахъ принимаютъ, какъ своего равнаго. Какъ будто и позабыли, что и миромъ его никто не мазалъ, а бѣлыми и черными шарами выбирали, словно голову городского. И самъ Николай Романовъ въ гости ѣздилъ къ французскому президенту и къ себѣ его приглашалъ, а когда тотъ пріѣхалъ, такъ почетъ ему былъ отъ царя такой же, какъ иностранному царю полагается. Ничего не подѣлаешь: много, правда, спеси у Романовыхъ, да, вѣдь, по-нуждѣ и поклонишься. Хоть и миромъ наше правительство помазано, только изъ мира денегъ на всѣ затѣи не начеканишь. А хоть французы, по мнѣнію нашихъ поповъ, и безбожники, да денегъ во Франціи все же много — страна куда нашей богаче. И выходитъ, что надо въ ладу жить съ французской республикой, если хочется денегъ у Франціи позанять. И выходитъ такъ, что для Франціи годится и свобода, и республика, и народная школа, и то, что налоговъ французскій крестьянинъ платитъ въ мѣру своего достатка. А русскому народу, только за то удовольствіе, что у него есть царь и монархія, за одно это надо впроголодь жить и подвергаться всевластію полиціи. Такъ не слишкомъ ли дорого обходится намъ этотъ почетъ? Не выгодно ли было бы, пожалуй, намъ у себя республику завести, а монархію сбыть куда нибудь, гдѣ не такъ голодно?

Право, лучше бы было. Вотъ французскій мужикъ. Не больно и ему хорошо живется — бога-

тые, какъ вездѣ, прижимаютъ. За то посмѣй ему чиновникъ „ты“ сказать или маленько толкнуть, онъ сейчасъ же ему напомнитъ, что сегодня-де я просто земледѣлецъ, а, спустя годъ, можетъ быть, мой сынъ въ президенты республики выбранъ будетъ, вотъ какъ господинъ Лубэ, нынѣшній президентъ. И точно: дѣды господина Лубэ просто крестьянами были. Понятно, что крестьянинъ и рабочій, зная это и то, что всѣ должностныя лица зависятъ отъ выбранныхъ всѣмъ народомъ депутатовъ, не станутъ въ три дуги гнуться передъ всякимъ начальствомъ и не потерпятъ издѣвательства съ его стороны. Тотъ же самый мосье Жакъ, когда вернется во Францію — если полиція или другой какой чиновникъ несправедливость рабочему человѣку сдѣлаетъ — сейчасъ-же у себя въ головѣ запишетъ: „погоди-ка, господинъ Лубэ, дай срокъ — придутъ снова выборы, покажемъ мы тебѣ, какъ прижимать народъ, прокатимъ на вороныхъ — ступай себѣ обратно въ деревню гусей пасти“.

А мы и вправду думаемъ, что такъ всетаки лучше, чѣмъ у насъ, въ Россіи, гдѣ, невѣдомо за что, никого не спрося, посадили намъ на шею всякое чиновное и знатное начальство и почему то требуютъ, чтобы мы *имъ* повиновались, по *ихъ* законамъ жили, по *ихъ* росписанію подати платили. Думается намъ — не пора ли эту моду бросить, не пора ли, чтобы и русскій народъ получилъ *гражданскую и политическую свободу?*

И неужто *такъ* думать — значитъ измѣну совершить?

Свобода и соціализмъ.

А еще говорятъ, что мы — соціальдемократы — хотимъ у всѣхъ собственниковъ имущество отобрать и лѣнтяямъ и тунеядцамъ раздать. Ну, это ужъ прямо чепуха. Еслибы мы желали, чтобы тунеядцамъ и дармоѣдамъ все имущество принадлежало, то мы бы такъ сказали: отобрать у мужиковъ послѣднія земли и раздать изъ нихъ: одну

долю дому Романовыхъ, другую — святѣйшему синоду, третью — господамъ дворянамъ, четвертую — купцамъ, пятую — всѣмъ чиновникамъ. Ну ужъ еслибы мы это высказали, то измѣнниками насъ, повѣрьте, не называли бы, а только пожалѣли бы, что такія хорошія мысли, да поздно въ голову пришли: пожалуй, вѣдь, по нынѣшнимъ временамъ мужикъ и не пойдетъ на это!

Говоримъ мы какъ разъ обратное! Говоримъ мы, что при нынѣшнемъ порядкѣ слишкомъ ужъ много добра достается *тѣмъ, кто ничего добраго не дѣлаетъ*, кто одно бремя для общества составляетъ. Думаемъ мы, что не должно такъ вѣчно длиться, чтобы изъ народнаго каторжнаго труда маленькая кучка помѣщиковъ да жандармовъ съ ихъ прихвостнями получали львиную долю, а самому рабочему народу выбрасывали на прожитіе сухую кость. Ну, развѣ измѣна народу — такъ думать? А еще говоримъ мы, что народъ, который своимъ трудомъ создаетъ все богатство, что онъ долженъ и *владѣть всѣмъ этимъ богатствомъ*. И что всѣ средства, которыя нужны для производства этого богатства, то есть земля, рудники, фабрики, машины и орудія, желѣзныя дороги и пароходы — что все это должно принадлежать не Ивану или Петру, не отдѣльнымъ *хозяевамъ*, а всему же *обществу*, то есть тому же трудящемуся народу. Потому что, владѣя въ одиночку землей или фабрикой, хозяинъ можетъ заставлять безхозяйныхъ людей — рабочихъ и маломощныхъ крестьянъ — за пользованіе этими средствами отдавать ему, хозяину, плоды своего труда, такъ что выходитъ, что рабочій трудится часъ на себя, а три — на хозяина. Мы говоримъ: всѣ должны трудиться для собственнаго блага и только для него! Мы говоримъ народу: отнимемъ у богатыхъ собственниковъ тѣ *средства производства*, безъ которыхъ нельзя намъ работать, и устроимъ работу *сообща*, всѣмъ обществомъ, чтобы производить все то, что намъ нужно и получать каждому изъ общественнаго богатства, сколько ему требуется для хорошаго и безбѣднаго существованія. Мы говоримъ на-

роду: при хозяйствѣ въ одиночку, одни накопляютъ громадныя богатства, другіе теряютъ и ту худобу, которой владѣли. Поведемъ же общественное хозяйство *всѣмъ* обществомъ. Пусть весь народъ совмѣстно ведетъ производство на всѣхъ фабрикахъ, на всѣхъ земляхъ. Но ведетъ, не нанимая, конечно, поденщиковъ, а собственными трудами. Стало быть, пусть каждый будетъ въ одно время *и хозяиномъ и рабочимъ*. А это значитъ — пусть не будетъ больше дѣлѣнія людей на *только* хозяевъ и *только* работниковъ. Работать сообща и хозяйствовать сообща. Ведется же сообща всей страной такое дѣло, какъ скажемъ, почта. Сколько бы даромъ труда тратилось, еслибъ каждый долженъ былъ искать себѣ человѣка, который бы взялся отвести письмо по адресу. Только при нынѣшнемъ порядкѣ и изъ этого общественнаго дѣла кучка тунеядцевъ барыши выбираетъ, заставляя каждаго изъ насъ платить за пользованіе почтой больше, чѣмъ того стоитъ дѣло, да заставляя почтальоновъ и почтовыхъ служащихъ грудиться за грошевую плату. При *соціалистическомъ* же строѣ, когда все общество — и хозяинъ, и работникъ, мы бы на каждое общественное дѣло, будь то добываніе хлѣба и другихъ продуктовъ, будь то почта, пожарное дѣло, перевозка, обученіе дѣтей, — тратили бы своего собственнаго труда лишь столько, сколько его нужно для того, чтобы всѣ трудящіеся и ихъ семьи могли пользоваться по своимъ потребностямъ.

Дѣло понятное — такой порядокъ не по вкусу барышникамъ, дворянамъ и купцамъ. Если народъ отниметъ у нихъ земли и фабрики, то пропадетъ и ихъ власть надъ трудящимся людомъ. Но мы, соціалисты, вѣдь, и не просимъ ласки отъ этихъ хищниковъ. Мы объявляемъ имъ *открытую войну* и не ждемъ отъ нихъ добраго слова. Другое дѣло — трудящійся людъ. Ему то соціалистическій порядокъ дастъ человѣческое существованіе. Съ чего же иной разъ рабочій человѣкъ на вѣру принимаетъ обвиненіе, будто бы мы, соціалисты, желаемъ ему зла? И, вѣдь, не

хотимъ мы *силой* навязать рабочему классу, противъ его воли, счастливое существованіе. *Освобожденіе рабочихъ должно быть дѣломъ самихъ рабочихъ*, сказалъ нашъ учитель, знаменитый соціалистъ *Карлъ Марксъ*. И мы свято слѣдуемъ этому завѣту. Пусть рабочій классъ самъ рѣшитъ, оставаться ли ему въ поденномъ наемномъ рабствѣ или стать господиномъ своего счастья, хозяиномъ своего труда? Пусть самъ онъ рѣшитъ, что лучше: вѣчное рабство у капиталистовъ, или свободный трудъ въ соціалистическомъ обществѣ?

А чтобы могъ онъ это съ толкомъ рѣшить, для этого рабочій классъ долженъ имѣть *политическую свободу*, долженъ имѣть *свободу учиться у жизни*, все знать, что дѣлается на свѣтѣ. Долженъ имѣть возможность свободно собираться, свободно говорить, свободно слушать, свободно читать. Пусть народъ получитъ эту свободу—и тогда онъ, повѣрьте, легко разберетъ, откуда ему ждать лучшей доли. Мы, соціалисты, *не боимся свѣта*, не боимся открытаго, всенароднаго обсужденія общественныхъ дѣлъ. Мы не хотимъ, чтобы народъ бродилъ въ потемкахъ, намъ нужно, чтобы передъ нимъ былъ открытъ весь человѣческій міръ, со всѣмъ его добромъ и зломъ, и чтобы онъ свободно и сознательно могъ выбрать себѣ путь къ счастью. Мы отдаемъ на судъ *народной воли* свои требованія и увѣрены, что сознательный народъ не наложитъ самъ на себя цѣпей, пойдетъ не къ рабству у хозяевъ, а къ равенству и къ братству, къ соціализму.

Политика полицейская и политика свободныхъ гражданъ.

По всей Россіи ведется теперь травля противъ такъ называемыхъ „внутреннихъ враговъ отечества". „Бей соціальдемократовъ!" „бей интеллигентовъ!" „бей студента!" „бей пролетаріевъ!" „бей жидовъ и армянъ!" — раздается на всѣхъ перекресткахъ. Въ губернскихъ вѣдомостяхъ пишутъ, съ церковныхъ кафедръ проповѣдуютъ,

въ полиціи громко провозглашаютъ одно и то-же: „бей измѣнниковъ!“ По ночлежкамъ и трактирамъ шмыгаютъ, по деревнямъ шныряютъ разные людишки и наговариваютъ городской и деревенской бѣднотѣ, что надо де взяться за барчатъ и студентовъ, за „жидовъ“ и соціалистовъ, и проучить ихъ, такъ какъ отъ нихъ разныя невзгоды сыплются на русскій народъ. Что ни недѣля, то приходитъ извѣстіе, что гдѣ нибудь толпа била этихъ „внутреннихъ враговъ“: то, смотришь, въ Вологдѣ, въ Псковѣ, въ Курскѣ били малолѣтокъ-гимназистовъ, то въ Казани — студентовъ, то въ саратовскихъ деревняхъ — учителей, то въ Тамбовѣ — земскихъ гласныхъ и служащихъ, то въ Ѳеодосіи — евреевъ, то въ Смоленскѣ — мастеровыхъ, то въ Баку — армянъ. Это — тамъ, гдѣ избивали (а то и убивали) гуртомъ. Ну, а въ розницу побоища происходили уже чуть ли не по всѣмъ большимъ и малымъ городамъ.

Странное это дѣло! До сихъ поръ на Руси такъ велось, что по дѣламъ политическимъ, либо полиція била, либо полицію били: третьяго никто почти и не слыхивалъ. Полиція била по участкамъ, въ каталажкахъ и клоповникахъ, на улицахъ средь бѣла дня, когда разгоняла „скопище“ или демонстрацію горожанъ, въ деревняхъ, когда усмиряла такъ называемые „бунты“; на фабричныхъ дворахъ, когда приводила къ „порядку“ стачечниковъ-рабочихъ. Полиція била — къ этому всѣ какъ то привыкли и всѣ знали, что на то и существуетъ въ Россіи полиція, чтобы бить жителей: худо ли, это хорошо ли, только для этого она и существуетъ и жалованье получаетъ. Понятно было и то, что, по ея военному положенію, полиціи иногда и самой приходится быть битой: разгуляется ли народъ и на колотушки городовыхъ отвѣтитъ своими дубинами, а и то пойдетъ громить участки, какъ только что въ Ялтѣ было, или какой нибудь добрый молодецъ вздумаетъ за всѣхъ отплатить полицейскому герою и пристрѣлить его, какъ все чаще бываетъ по всѣмъ концамъ Россіи — такъ ли, иначе ли, а только всѣ привыкли, что нѣтъ-нѣтъ,

а и полиціи отъ народа достается. Словомъ, либо полиція бьетъ, либо полицію бьютъ — въ этомъ проходила наша россійская „политическая жизнь“. Потому что, вѣдь, всякій понималъ, что и то, и другое — и битье полиціи, и битье отъ полиціи — есть дѣло политическое — государственное; это, можно сказать, все одна тяжба между гражданами и государствомъ, которому полиція служитъ. Бьетъ полиція — значитъ, либо за то, что граждане чего нибудь отъ государства требуютъ, либо ни за что, то есть, для того, чтобы граждане чувствовали, что нѣтъ власти, аще не отъ бога, и что, стало быть, свѣтлымъ пуговицамъ и кокардѣ кланяйся въ поясъ, потому что благодать государственной власти на нихъ почила! И наоборотъ: бьютъ полицію — такъ всякій и понималъ, что это война идетъ противъ государственной власти, это народъ показываетъ, что не доволенъ порядками въ странѣ. Въ другихъ странахъ, гдѣ, по словамъ нашихъ поповъ, нѣтъ настоящаго порядка, тамъ политическая жизнь на много ладовъ проявляется: люди спорятъ между собой, кого имъ въ парламентъ (въ государственное управленіе) послать выборнымъ; получаютъ отъ этихъ выборныхъ отчетъ въ томъ, какъ они дѣла вели, сходятся на собранія и обсуждаютъ государственныя дѣла и судятъ своихъ министровъ и губернаторовъ; въ газетахъ тоже ведутъ споры о томъ, какъ надо вести государственное дѣло. Не то у насъ: на все это наложенъ запретъ, про все говорить и думать могутъ только господа тайныя, дѣйствительныя и статскія канцелярскія крысы, простой же народъ, чина не имѣющій, только дважды можетъ участвовать въ политической жизни: либо когда его бьетъ за „бунтъ“ господинъ квартальный, либо когда онъ самъ, засучивъ рукава, раздѣлывается съ тѣмъ же квартальнымъ. А господа патріоты, расписывающіе въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, въ „Свѣтѣ“ и „Дружескихъ Рѣчахъ“ о преимуществахъ Россіи надъ Европой, такъ и понимаютъ, что не въ примѣръ это лучше, когда вся политика для народа

начинается съ шиворота обывателя и кончается полицейскимъ клоповникомъ.

Хорошо ли это, худо ли, а только не слышно было до сихъ поръ про такую политику, когда бы люди, чина не имѣющіе и не только что въ свѣтлыхъ пуговицахъ, а то и вовсе безъ пуговицъ на пиджакахъ, шли другъ противъ друга, стѣна на стѣну, или чтобы толпой шли бить одиночнаго противника. Всегда такъ понимали, что для государева блага этимъ дѣломъ занимаются гг. полицейскіе. Бывало, конечно, и такъ, что шли (особенно спьяну) бить нѣмцевъ, или евреевъ, или татаръ; но считалось такъ, что дѣлается это для грабежа — чужое добро разобрать или со злости, въ отместку за какую нибудь обиду. Никому не казалось, чтобы было это дѣломъ политическимъ, общественнымъ или государственнымъ.

А теперь не такъ: теперь г-нъ околоточный, собравъ десятокъ крючниковъ, говоритъ имъ долго и краснорѣчиво, что вотъ, молъ, Россія въ войнѣ съ Японіей и все то японецъ бьетъ, и все то русскіе отступаютъ, а солдатамъ и холодно, и голодно, а вся эта бѣда пришла отъ соціалистовъ, которые бунтуютъ противъ царя и хотятъ, чтобы не было вовсе войны и смуту разную вносятъ; а потому, братцы, вотъ вамъ по шкалику, ступайте туда то и, какъ завидите гимназиста, бейте его въ мою голову! „Ступайте жъ, ребята, постарайтесь *для нашего бѣднаго царя-батюшки*“. кончаетъ его благородіе.

Для царя-батюшки! дѣло, стало быть, государственное!

„Ну, вы тамъ, дармоѣды, кричитъ жирный лабазникъ своимъ дюжимъ молодцамъ, ступайте ка на площадь, да какъ вамъ Абрамычъ (городовой) на кого изъ господъ гласныхъ укажетъ, навалите на него всѣ разомъ и не отпускайте, пока не почернѣетъ. Не жалѣйте трудовъ, ничего вамъ не будетъ, отъ министра пришла такая бумага — постарайтесь для отечества“!

Опять же: для отечества! значитъ, дѣло общественное, политическое!

„Православные христіане!“ гнуситъ сельскій батюшка: „завелись нынче такіе люди, что ни въ бога ни вѣрятъ, ни царя не почитаютъ, а зовутъ ихъ соціалистами. Они это и стачки по фабрикамъ устраиваютъ, и на это отъ нашего врага, отъ японца, деньги получаютъ, и отъ нихъ это всякій развратъ по народу пошелъ: молодые не слушаютъ стариковъ, нѣту почтенія къ начальству, у бѣдняка жадность всякая развелась и мнѣ за требы мало платятъ, — все отъ нихъ, отъ соціалистовъ. И ежели мы не хотимъ, чтобы вовсе наше государство погибло и чтобы язычники надъ нами властвовали, то должны мы противъ этихъ соціалистовъ подняться, для спасенія родины“. И тутъ же елейно прибавляетъ: а нашъ учитель, сказываютъ, по пятницамъ скоромное жретъ. Глядишь, къ вечеру уже толпа напившихся дурней идетъ помять учителю бока, и такъ ужъ и думаютъ, что если онъ скоромное въ пятницу ѣстъ, то не иначе, какъ на японскія деньги, и если его хорошенько побить, то нашимъ генераламъ въ Манджуріи какъ то легче будетъ отбиваться отъ Куроки. И, идучи въ бой вдесятеромъ на одного, полагаютъ, что все это безобразіе нужно для спасенія родины отъ постигшихъ ее бѣдствій.

Общественное, стало быть, дѣло. Политическое, государственное!

Это значитъ, что политика бываетъ двухъ родовъ: дозволенная и недозволенная. Всякій малолѣтокъ знаетъ, что за политику русскаго человѣка доселѣ непохваливали, по головѣ не гладили. И не только что за такую политику, при которой полицейскій на улицѣ достается отъ стачечниковъ или демонстрантовъ. Нѣтъ! Всякій зналъ, что наказываютъ, и очень жестоко еще наказываютъ, за то, что книжку не ту читаешь, которую читать дозволено; за то, что закричишь, гдѣ нибудь „долой самодержавіе“! или даже „долой господина губернатора“! за то, что гдѣ нибудь скажешь про то, что хорошо бы, еслибъ народъ не грабили и не тѣснили. За все это, какъ за „политику“, жестоко преслѣдовали и студента, и барина, и рабочаго, и му-

жика. Вѣрноподданному де не полагается не только говорить, но ниже и думать о дѣлахъ государственныхъ — это всякій зналъ, и этому учили и въ церкви, и въ школѣ, и въ полицейскомъ участкѣ, и въ газетѣ „Свѣтъ“.

Теперь, оказывается, ужъ не то. Говорить, читать, писать *противъ правительства, противъ полиціи, противъ кулаковъ, дворянъ, чиновниковъ* — это все та же, „политика“, за которую и въ Сибирь ссылаютъ, и въ тюрьму заключаютъ, и на улицѣ разстрѣливаютъ, и нагайкой бьютъ. Но бить во славу того же правительства; безобразничать во имя православной вѣры; вмѣстѣ съ полицейскими, разносить студентовъ и мастеровыхъ — за эту „политику“ не только что не накажутъ, но еще и соткой угостятъ и „патріотомъ“ прославятъ. Кричать „долой самодержавіе, да здравствуетъ свобода“! — это преступленіе. А кричать: „да здравствуетъ самодержавіе, долой свободу“—за это самъ квартальный похвалитъ.

А, вѣдь, посмотрѣть хорошо, такъ и то, и другое дѣло политическое, общественное, до всѣхъ касающееся, а не только до моей избы, до моего семейства. И выходитъ, что вчера еще обывателю кричали: „не суйся въ политику, не твоего это ума дѣло“; „начальство само знаетъ, что нужно“, а сегодня ужъ ему кричатъ: „твое это дѣло! помогай начальству, безъ тебя оно не справится! ты обязанъ этимъ интересоваться“.

Но, позвольте же, господа! Ежели я обязанъ интересоваться, почему тамъ рабочіе бунтуютъ, такъ дайте же мнѣ толкомъ разобраться, что къ чему и кто правъ, кто виноватъ. Ежели не долженъ я сидѣть вѣчно за прилавкомъ или ходить за плугомъ, а могу и за околицу выйти и въ общихъ дѣлахъ участіе принять, такъ дайте же мнѣ *самому* рѣшить, кого мнѣ бить и за кого мнѣ вступаться. Ежели такое время пришло, что всякій долженъ заняться „политикой“, такъ ужъ дозвольте мнѣ самому выбрать такую политику, отъ которой бы мнѣ и семейству моему полегчало нѣсколько. Не правда ли?

Ежели ужъ всѣмъ идти на улицу, такъ надо бы всякому дать право то самое кричать, *во что онъ вѣритъ*. Если лабазникъ Толстопятовъ хочетъ непременно кричать: „долой свободу“! — пусть себѣ кричитъ; нечего человѣку зря мѣшать, если ему такъ ужъ нравится слышать, какъ его квартальный „тыкаетъ“; если такъ ему хочется, „по старинкѣ“, за свои же права платить дань господину приставу. Но за то не мѣшайте и фабричному человѣку кричать: „да здравствуетъ свобода“, разъ что чувствуетъ онъ, что безъ свободы вовсе пропадать рабочему народу? Развѣ не такъ? Развѣ бы это не была справедливость?

А такъ, какъ теперь водится, — нѣтъ, не справедливо это! Станетъ человѣкъ задумываться надъ тѣмъ, какъ бы жизнь себѣ улучшить, и додумается до того, что хорошо бы господамъ чиновникамъ руки укоротить — анъ, за эти самыя „политическія“ мысли въ участокъ волокутъ раба божія! А тутъ же рядомъ другой рѣшилъ, что отъ того всѣ бѣдствія народа, что мало у чиновниковъ власти, мало у баръ доходовъ, и бѣжитъ себѣ колотить тѣхъ, кто иначе думаетъ. И за эту политику — ему поощреніе!

Нѣтъ, несправедливо это! Почему, когда 200 тысячъ рабочихъ съ женами и дѣтьми заполнили петербургскія улицы, чтобы лично принести царю жалобу на чиновниковъ, дворянъ и фабрикантовъ, то за это политическое шествіе въ нихъ стрѣляли, хотя ихъ и повелъ человѣкъ, приставленный къ рабочимъ самимъ *министромъ* Плеве и самимъ *митрополитомъ* Антоніемъ (то есть, попъ Гапонъ)? А когда другой, тѣмъ же правительствомъ приставленный къ рабочимъ человѣкъ — сыщикъ Зубатовъ повелъ 19 февраля 1902 г. 50 тысячъ московскихъ рабочихъ къ Кремлю кланяться мерзавцу Сергѣю Александровичу и увѣрять его, что рабочимъ хорошо живется и ничего имъ не нужно, то почему за такое же политическое шествіе московскихъ рабочихъ не только не разстрѣляли, но еще и угощали, а ихъ выборныхъ не только въ тюрьму не посадилъ великій

кн. Сергій, но еще и христосовался съ ними на Пасху? Почему, когда мужики примутъ на сходѣ рѣшеніе просить царя избавить ихъ отъ помѣщичьихъ притѣсненій, то мужиковъ за это обругаютъ, а болѣе умныхъ, какъ „зачинщиковъ“, ссылаютъ? А въ то же время, если тѣ же мужики напишутъ „всеподданнѣйшій адресъ“, въ которомъ *наврутъ*, будто бы они всѣмъ довольны и имъ подъ скипетромъ самодержавнаго царя живется, какъ нельзя лучше, то за это рабское *политическое* же заявленіе царь ихъ благодаритъ и пишетъ на прошеніи „прочелъ съ удовольствіемъ“? Понятно, что съ удовольствіемъ, только нѣтъ въ этомъ справедливости.

Понятно, что городовой, приставъ, жандармъ, губернаторъ, министръ, царь слушаютъ „съ удовольствіемъ“, когда люди говорятъ: „подъ вашимъ крылышкомъ намъ не житье, а масленица—помирать не надо-съ; а, впочемъ, прикажете, такъ и помремъ-съ!“ Понятно, что и приставу, и губернатору, и царю одно огорченіе, когда „простой“ человѣкъ бормочетъ: „надо бы податей поменьше! войною дюже замучили, ваше благородіе! начальство оченно ужъ грубитъ! вздохнуть бы!“ Каждое такое слово, хоть бы и не громко сказанное, очень огорчаетъ господъ чиновниковъ, потому что они хорошо знаютъ, что всякая *революція* съ такой мольбы начиналась, а кончалась ужъ тѣмъ, что упорныхъ чиновниковъ по фонарямъ вѣшали. Понятно огорченіе начальства, понятно, что оно спѣшитъ на *просьбу*, а тѣмъ болѣе на *требованіе*, отвѣтитъ кулакомъ и всякими карами. Оттого-то говорю, и повелось такъ въ Россіи, что гдѣ разговоръ о „политикѣ“ — т. е. объ общественномъ дѣлѣ — тамъ ужъ кого нибудь бьетъ полиція. Но, по старой пословицѣ, „око за око, зубъ за зубъ“, гдѣ слишкомъ часто и больно бьетъ полиція, тамъ подчасъ бьютъ и полицію. Гдѣ нагайка, тамъ револьверная пуля, гдѣ ружья и пушки, — тамъ же и бомбы, гдѣ сѣкутъ, тамъ и краснаго пѣтуха пускаютъ. Конечно, отъ битья полиціи страдаютъ милліоны людей, а изъ полиціи доста-

ется одиночкамъ; только все же тутъ дѣло на чистоту: государство запрещаетъ жителямъ всякую „политику“, всякіе разговоры, всякую заботу объ общемъ благѣ, а жители, кто посмѣлѣе, протестуютъ пулей и другимъ оружіемъ противъ этого жестокаго запрещенія. И выходитъ такъ, какъ у мироваго судьи бываетъ: „за взаимностью обидъ“ дѣло можно считать конченнымъ.

Другое дѣло, когда сами же граждане начинаютъ колотить и избивать другъ друга за политическія дѣла. Полиція бьетъ потому, что она постановила: „политика,—т. е. общее благо—это мое дѣло, не суйся!“. Ну, а граждане чего ради другъ друга бьютъ? Ежели меня за слово о свободѣ бьетъ лавочникъ, то, значитъ, онъ *думаетъ*, что для общаго блага свобода не нужна, что отечеству безъ свободы будетъ лучше. Да, вѣдь, такая мысль тоже есть мысль *политическая*. На какомъ же основаніи онъ хочетъ вколотить въ мою голову свою мысль и выбить изъ нея мою собственную?

Одно изъ двухъ, граждане: либо никто изъ насъ не занимайся политикой, а занялся ею — самъ платись въ участкѣ, либо же всѣ могутъ ею заниматься. А дѣлить весь народъ на имѣющихъ право заниматься политикой и не имѣющихъ такого права — несправедливо. Когда же честныхъ, трудящихся гражданъ дѣлитъ на овецъ и козлищъ какой нибудь продажный полицейскій, это ужъ совсѣмъ позорно.

Отчего всѣ занялись политикой?

Посмотримъ на то-же дѣло съ другой стороны: вѣдь, не съ проста же почтенные и порядочные люди выходятъ на улицу мять бока незнакомымъ имъ и такимъ же почтеннымъ и работящимъ людямъ? Что нибудь да кроется за этимъ! Не всѣ же куплены царской водкой, не всѣ, ради ласковаго слова полицейскаго, способны увѣчить дѣтей или убить старика-еврея. Видно, таится какая то обида на сердцѣ у большинства всѣхъ этихъ лю-

дей, и обиду эту они вымещаютъ на чужихъ бокахъ! И, дѣйствительно, это такъ: и босякъ, и ремесленникъ, и лавочникъ, и крестьянинъ, и трактирный половой, идущіе бить „студентовъ“ или „соціалистовъ“, таятъ въ душѣ своей не мало невымещенныхъ обидъ. Но, по горькому опыту, знаютъ они, что ежели дать волю разуму и подумать, какъ слѣдуетъ о пути къ избавленію отъ этихъ обидъ, то добромъ дѣло не кончится—какъ разъ додумаешься до той самой политики, за которую въ участокъ ведутъ! Развѣ не такъ? Развѣ мелкій торговецъ, у котораго, по случаю войны, торговля прахомъ пошла, не думаетъ, кряхтя и ворочаясь на своей постели въ безсонную ночь: и на какой дьяволъ всѣ эти звѣздоносцы въ Манчжурію сунулись? Думаетъ, повѣрьте мнѣ, только боится дать ходъ своимъ мыслямъ. Проснется на утро, злой и безпокойный, и читаетъ въ своихъ „Вѣдомостяхъ“ или „Листкѣ“, что тамъ то въ земствѣ или на народномъ собраніи говорили, что во всѣхъ бѣдахъ виновато самодержавіе, которое и войну затѣяло, и народный карманъ опустошило, и такъ далѣе, какъ всѣмъ уже извѣстно. На сердцѣ все накипаетъ злость и рвется наружу, такъ бы и сказалъ — а пора бы, братцы, по иному зажить! Только нѣтъ!—не даромъ вся жизнь прошла въ томъ, что спину передъ всякимъ гнулъ и всякою ложью питался: не можетъ человѣкъ стать рѣшительно на этотъ путь, на которомъ столько всякихъ полицейскихъ гадовъ, шипя, норовитъ ужалить смѣлаго путника. И вотъ ищетъ мысленно нашъ храбрецъ, кого бы сдѣлать виноватымъ и ужъ, конечно, виноватымъ тотчасъ окажется кто *то же самое думаетъ, да не боится сказать*. Гимназистъ, шапка на бекрень, ходитъ и смѣло такъ глядитъ околодочному въ глаза, что такъ и видно, что тотъ это самый будетъ, про котораго вчерашнія „Вѣдомости“ писали, что у него только одна мысль въ головѣ и есть: „да здравствуетъ свобода!“ Ну, какъ не разозлиться человѣку, который и самъ чуетъ уже, что это правда, да боится признаться въ этомъ? А тутъ еще поли-

цейскій подмигиваетъ: „проучите ка мнѣ этого врага отечества... онъ, вотъ, отъ японцевъ денегъ получилъ, а изъ за этого и война тянется!“ Глупо все это, чувствуетъ нашъ лавочникъ, да только некогда уже разсудить: злости много на сердцѣ, вылить ее хочется, а трусость природная подсказываетъ: „вылей ее тутъ, за это не оштрафуютъ“. И кончается дѣло тѣмъ, что дюжина здоровенныхъ мущинъ кидается бить подростка, а потомъ передъ мировымъ судьей, словно мальчишки, путаются и толкомъ не могутъ объяснить, съ чего это они изъ простыхъ обывателей превратились въ громилъ „черной сотни“.

Не можетъ правительство справиться со всѣми дѣлами — это всѣмъ видно теперь. А разъ не можетъ, значитъ, *всякій* долженъ, по мѣрѣ силъ, заботиться о государственныхъ дѣлахъ. Это теперь всѣ чувствуютъ и тотъ же лавочникъ изъ „черной сотни“, когда изувѣрствуетъ во славу самодержавія, то думаетъ, что это онъ помогаетъ привести въ благоустроенный порядокъ дѣла своего *отечества*, коему угрожаютъ „внутренніе враги“ и измѣнники.

Хорошее это дѣло — заботиться о благоустройствѣ своего отечества. Пока человѣкъ объ этомъ не заботится, онъ и на человѣка не похожъ. „Человѣкъ есть существо общественное“, говорилъ еще древній греческій писатель Аристотель 2 слишкомъ тысячи лѣтъ тому назадъ. А разъ человѣкъ заботится и можетъ заботиться о дѣлахъ своего отечества, то позвольте ужъ ему такъ объ нихъ заботится, какъ онъ понимаетъ, а не говорите: такъ то смѣешь и долженъ заботиться, а такъ не моги! Если даже при самодержавіи однимъ правительствомъ не могутъ держаться заботы объ общественныхъ дѣлахъ, то, значитъ, не зря говорили мы: для народа „политика“ не чужое дѣло, а свое родное, самое родное дѣло.

„Бей измѣнниковъ отечества“! Допустимъ, что такъ. Но тогда дайте ужъ всѣмъ возможность разобрать, въ чемъ состоитъ благо отечества и кто ему измѣняетъ? Всякій видитъ теперь, что благо

это разные люди по разному понимаютъ и измѣнниковъ разные люди въ разныхъ мѣстахъ ищутъ. Отсюда и выходитъ, что два одинаково несчастныхъ и одинаково честныхъ человѣка бьютъ другъ друга, какъ „враговъ отечества“. Потому что, вѣдь и студентъ, когда онъ кричитъ: „долой самодержавіе!“ и рабочій, когда онъ провозглашаетъ „долой царя и капиталистовъ“ и всѣ другіе революціонеры тоже считаютъ, что борятся съ врагами своего отечества. Въ самомъ дѣлѣ: что такое это отечество? Да просто, всѣ сто пятьдесятъ милліоновъ россійскихъ гражданъ, разсѣянныхъ отъ польской границы до Восточнаго океана и отъ Бѣлаго моря до Кавказа. Эти 150 милліоновъ, вмѣстѣ взятые, и есть для каждаго изъ насъ, для каждой одиночки, то, что мы называемъ отечествомъ. Заботиться о благѣ отечества значитъ заботиться не о своей только шкурѣ, а о всей этой громадѣ; это значитъ понять, что моя хата не съ краю, а на одномъ основаніи построена, что и другія хаты, и ежели во всѣхъ другихъ хатахъ несчастіе и горе свили себѣ гнѣздо, то и въ моей не будетъ ни тепла, ни уюта.

Гдѣ жъ выходъ?

А ужъ разъ люди это поняли, то вовсе не съ чего имъ бить другъ друга для удовольствія полиціи только потому, что въ разномъ они видятъ благо своего отечества. Палкой, вѣдь, никого не убѣдишь, а только заставишь человѣка взять въ свои руки другую палку. Глупцомъ надо быть, чтобы воображать, что можно по просту „искоренить“ всѣхъ тѣхъ, кто съ тобой не согласенъ о нуждахъ русскаго народа. Ежели сплошь цѣлые десятки тысячъ людей въ одну точку смотрятъ, то нѣтъ такой силы, чтобы ихъ заставить по иному думать. Можно, конечно, выловить сотню-другую людей позамѣтнѣе и истребить ее, но проку отъ этого мало будетъ: притаится до поры та мысль, которую „вредной“ считаютъ, и не отыщешь ее въ тайникахъ человѣческаго разума.

Русская полиція хорошо убѣдилось въ этомъ. Изъ году въ годъ перелавливаетъ она многое множество „политическихъ преступниковъ“ и нельзя сказать, чтобы безъ строгости съ ними поступала: не одна сотня каждый годъ кончаетъ преждевременно свою жизнь. А въ итогѣ? Да только то, что съ каждымъ годомъ на мѣсто каждой сотни становится тысяча.

Полиціи, въ концѣ концовъ, это все равно; больше того—вѣдь, она этимъ хлѣбомъ живетъ. Не было бы запретныхъ мыслей и запретныхъ словъ, не было бы и „политическихъ преступниковъ“ потому, что, вѣдь, политическіе преступники *не рождаются такими, а становятся ими по волѣ закона.* Двѣ тысячи лѣтъ назадъ законъ римскій запрещалъ вѣру христа исповѣдывать, и каждый христіанинъ становился „политическимъ преступникомъ“. Лѣтъ 400 назадъ запрещали говорить, что земля вокругъ солнца вертится, и великій ученый Галилей за то былъ осужденъ сначала на смерть, а потомъ посаженъ въ тюрьму, что совершилъ это „политическое преступленіе“ — говорилъ, что земля вертится таки. Лѣтъ 250 назадъ у насъ въ Россіи считали политическимъ преступникомъ того, кто крестился двуперстіемъ — и сколько же было до смерти замучено старообрядцевъ, которые дѣлали это „политическое преступленіе“! А 60 лѣтъ назадъ знаменитый писатель Достоевскій былъ приговоренъ къ смерти, на эшафотѣ уже „помилованъ“ и отправленъ на каторгу, гдѣ его истязали плетьми — и все это за что? За то только, что давалъ своимъ знакомымъ читать письмо другого писателя Бѣлинскаго, а въ письмѣ этомъ только и было сказано, что *пора дать крѣпостнымъ крестьянамъ свободу отъ помѣщичьей власти!* Вотъ что тогда считалось „политическимъ преступленіемъ!“ А въ наши дни, ежели ты, читатель, читая эту книжку, не захочешь понести ее въ полицію, то ты сдѣлалъ „политическое преступленіе“ уже тѣмъ однимъ, что прочелъ эти „преступныя“ слова, хоть бы и не соглашался съ ними. И за таковое „политическое преступленіе“

тебя могутъ жандармы въ тюрьму посадить и хозяйство твое раззорить, и суду предать. И будутъ вокругъ твоего „преступленія“ десятки чиновниковъ съ годъ бумажную канитель разводить, да казенныя—народныя—деньги изводить, пока, наконецъ, торжественно приговорятъ на судѣ отсидѣть столько то мѣсяцевъ, и потомъ уже весь вѣкъ считаться „политически неблагонадежнымъ“.

Не было бъ запретныхъ мыслей и словъ, не было бъ и политическихъ преступниковъ. А не было бы политическихъ преступниковъ, не для чего было бъ небо коптить многимъ-многимъ тысячамъ чиновниковъ, прокуроровъ, полицейскихъ, жандармовъ, сыщиковъ. Вотъ почему полиція не въ претензіи, что число „преступниковъ“ политическихъ растетъ изъ году въ годъ. Но искорененія вредныхъ мыслей все таки не получается.

А обывателю, хотя бы и тому, у кого отъ пустой головы все нутро переворачивается, когда при немъ ругаютъ правительство, — обывателю-то никакой въ этомъ нѣтъ радости, что тому или другому соціалисту удастся сильно напакостить. Общественное дѣло отъ этого все таки не улучшается, а, спустя время, все-таки подъ окномъ придется слышать все то же: „долой самодержавіе“! А зла получается не мало. Ничего нѣтъ добраго въ томъ, что люди занимаются истребленіемъ другъ друга. Вѣдь, прямо говоря, дѣло къ тому и идетъ, что скоро начнутъ горожане и сельчане другъ друга вырѣзывать.

Но, вѣдь, позорно это будетъ, если дѣло дойдетъ до того, что повсюду повторится происходившее недавно въ Баку побоище! Гнусно будетъ, если бѣднякъ пойдетъ на бѣдняка!

„Ежели соціалистамъ и студентамъ волю дать, не станетъ житья отъ баръ; надо правительству помочь противъ студентовъ и соціалистовъ“, думаетъ одинъ. А другой въ то же время думаетъ: „правы соціалисты и студенты — ежели мы себѣ правъ не добудемъ, ежели мы этого правительства не прогонимъ, задавятъ насъ окончательно эти самые бары“!

Не довольно ли учить другъ друга побоищами, не пора ли начать по другому *столковываться?* Потому что, вѣдь пока мы другъ друга уничтожаемъ, барская ласка все сердитѣе становится и все больше насъ обоихъ въ дугу гнетъ — и того, кто „долой самодержавіе“ кричитъ, и того, кто „ура“! кричитъ по знаку околодочнаго.

Не пора ли, граждане, собраться намъ свободно и въ порядкѣ — всѣмъ вмѣстѣ — и обдумать и обсудить, кто правъ и кто ошибается, и какъ нашу жизнь устроить, чтобы и дышалось намъ легче, и чтобы впереди было все ясно — какъ намъ о своемъ собственномъ благѣ заботиться, не безпокоя г-на городового?

Не пора ли намъ выбрать своихъ довѣренныхъ людей, да поручить имъ отъ всего русскаго народа разобрать всѣ наши порядки и непорядки, поискать, гдѣ тѣ враги отечества отъ которыхъ оно разоряется и нищаетъ, и какъ это собраніе постановитъ, такъ тому и быть? Вѣдь, поди, если такое Собраніе соберется и отъ всѣхъ насъ въ немъ выборные будутъ, то столкуются же они о томъ, чего же теперь требуетъ благо нашего отечества? Можетъ быть, даже лучше поймутъ это дѣло наше Собраніе, чѣмъ тѣ чинуши, которые теперь каждый день сотни новыхъ законовъ *для насъ* издаютъ — и одинъ другого подлѣе.

Не *выгоднѣе ли* для народа, чтобы судьба отечества, дѣла его, рѣшались въ такомъ собраніи спорами и разговорами, *борьбой мнѣній*, чѣмъ безтолковыми побоищами, послѣ которыхъ все по старому остается?

Ты говоришь: для блага народа нужно, чтобы войны не было? Ладно! Вотъ будемъ выбирать своихъ депутатовъ въ Учредительное Собраніе, ты и старайся, чтобы охотниковъ мириться больше въ Собраніе попало, тогда по твоему и будетъ. Ежели ты непремѣнно воевать хочешь твоя воля — постараться *убѣдить* своихъ сограждан, добивайся *большинства* въ Собраніи; добьешся — твое и возьметъ! Чего проще? И чего справедливѣе?

Ну, а если твои слова многихъ не убѣдили и большинство народныхъ представителей по твоему не поступило — не взыщи; старайся дальше убѣждать — ежели дѣло твое вѣрное, когда нибудь добьешься!

Если народные представители постановили что-нибудь вредное для народа, ты, пользуясь своимъ правомъ, будешь свободно *критиковать* ихъ, *протестовать* противъ нихъ, требовать отъ нихъ *отчета*. Плоть отъ твоей плоти и кость отъ твоей кости—народные представители, и не смѣютъ они притязать, чтобы ты вѣрилъ въ святость ихъ рѣшеній. Свое право *быть недовольнымъ* и лучшаго добиваться ты никому не отдашь. И мы, первые, соціальдемократы, заранѣе говоримъ, когда требуемъ собранія народныхъ представителей: не прекратимъ своей критики, своего протеста, своей *борьбы*, до тѣхъ поръ, пока не прекратится на свѣтѣ дѣленіе людей на богатыхъ и бѣдныхъ.

Только бы выборы безъ обману были — свободно, гласно, чтобы каждый имѣлъ волю на *другихъ вліять убѣжденіемъ*. Да, чтобы дѣйствительно *всѣ* могли въ выборахъ участвовать, да чтобы у всѣхъ *равное* было право.

Этого мы, соціалисты, сейчасъ и требуемъ Развѣ не вѣрно, что это требованіе всѣмъ тѣмъ на руку, кому есть чего пожелать лучшаго отъ жизни, кому не красно живется на русской землѣ?

И развѣ не ясно, что только когда сами мы — черезъ своихъ выборныхъ людей — будемъ сговариваться свободно объ общественныхъ дѣлахъ, тогда только всѣмъ намъ будетъ видно, отъ какихъ порядковъ богачъ и баринъ жирѣютъ, и какіе — выгодны нашему брату?

А если такъ, то, значитъ, чѣмъ поддаваться на подстрекательства полицейскихъ, надо поскорѣе *всѣмъ честнымъ гражданамъ* соединяться въ общей борьбѣ за скорѣйшій созывъ *Всенароднаго Учредительнаго Собранія*.

И когда ты, читатель, видишь, что возлѣ тебя идетъ война между сынами русской земли, не

бросайся въ драку, не разобравъ дѣла, по первому знаку, а узнай сначала: кто изъ воюющихъ хочетъ, чтобы *ты* получилъ святое *право* участвовать въ общественномъ дѣлѣ? кто изъ нихъ стоитъ за созывъ Учредительнаго Собранія? А *узнавъ* объ этомъ, ты уже и самъ поймешь, что тебѣ надо дѣлать при этомъ случаѣ?

Что же касается до судьбы самодержавія, о которомъ плачутся твои добрые друзья — полицейскіе и попы — то о ней не безпокойся: пусть только свободно соберутся со всей земли русской выборные представители и они ужъ столкуются о томъ, какъ быть съ самодержавіемъ, и съ царской фамиліей, и съ господами помѣщиками, и съ многими другими полезными вещами? И ежели они, собравшись и все обдумавши, скажутъ: не нашего ума государственное дѣло, разойдемся по домамъ и будемъ по старому терпѣть то, что намъ скажутъ царемъ назначенные исправники и становые, — если такъ они скажутъ — ну, значитъ, не хочетъ русскій народъ другой жизни, значитъ, — такъ и быть до времени!

Ну, а ежели они скажутъ: быть по новому? Не быть больше помѣщичьей кабалѣ надъ мужикомъ! Не быть полицейскому господиномъ надъ жизнью и честью всякаго бѣдняка! Не сидѣть ребятамъ безъ ученія! Не бывать больше законамъ, сочиняемымъ тайными совѣтниками! Не свистѣть розгѣ надъ спиной бѣднаго гражданина! Не быть связанною человѣческой мысли, не быть скованнымъ человѣческому слову! Не томиться по тюрьмамъ лучшимъ русскимъ людямъ! — Если *такъ* скажутъ свободно выбранные всѣмъ народомъ люди и если, сказавши такъ, они установятъ свободный новый порядокъ, то что сдѣлаешь ты, русскій гражданинъ, родившійся мѣщаниномъ или крестьяниномъ, и горькой нуждой вспоенный?

Пойдешь ли ты, по совѣту тѣхъ, кто сейчасъ зоветъ тебя „бить жидовъ, студентовъ и соціалистовъ“, пойдешь ли ты, по ихъ совѣту, уничтожать то, что установятъ народные представители, чтобы вернуть назадъ времена барскаго и полицейскаго гнета?

Не сдѣлаешь ты этого, хотя бы тебя и звали именемъ самодержавія и православія! Не сдѣлаешь ты этого, хотя бы тебя увѣряли сладкорѣчивые люди, что твои представители — „внутренніе враги отечества!“

Другое ты сдѣлаешь, свободный русскій гражданинъ. Ты потребуешь отъ новаго правительства ружье и, получивъ его и повѣсивъ на стѣну у себя дома, громко скажешь:

„Вотъ въ чемъ охрана полученныхъ мною правъ, свободы моей и моихъ дѣтей! Земля, которую я себѣ взялъ у барина, — моя! Право говорить, собираться, выбирать себѣ правителей и смѣщать ихъ —мое право и я его не отдамъ! 8 часовъ труда, ежели я работаю по найму,—мое *завоеваніе* и никакая сила не заставитъ меня отказаться отъ него. Законъ, защищающій противъ сильнаго и богатаго мое право — его я никогда не уступлю добромъ! Всякаго, кто посягнетъ на мое право, я объявляю врагомъ отечества, врагомъ народнаго блага! И этимъ оружіемъ буду я владѣть для охраны блага моего отечества! Это оружіе я примѣню тогда, когда посягнутъ на завоеванныя мною права, на завоеванную мною лучшую жизнь!“

Ты сдѣлаешь это, русскій гражданинъ, потому, что, кто вкуситъ сладкаго, не захочетъ опять горькаго. Спѣши же пріобрѣсти первое, главное, необходимое право — ***право свободно сговориться съ соотечественниками о томъ, какъ сообща заботиться о благѣ отечества.***

Библиотека
Института Ленина
при Ц. К. Р. К. П. (б.)